Июль 1922 года После Расселения

Пояс Единорога

Мантикора Б

Звездная Империя Мантикора

Шаттл пробирался сквозь звездный свет и пустоту, словно мелкая рыбешка сквозь стаю мертвых левиафанов.

Если во всей Вселенной и было более печальное зрелище, капитан Филип Клейтон не мог себе представить, что бы это могло быть. Он сидел в кресле пилота, его второй пилот молчал рядом с ним, глядя через бронепласт рубки на Саргассово море звездолетов, и снова задавался вопросом, что же он на самом деле чувствует.

Это не должно было быть так трудно, на самом деле. В конце концов, он сражался достаточно, чтобы создать эту массу убитых кораблей. И все же это было убийство, а не акт войны. Не в реальности. Не тогда, когда Флот Солнечной Лиги был так сильно превзойден.

И не тогда, когда им предложили возможность выжить... а они отвергли ее.

«Я никогда не устану смотреть на это, сэр», - сказал лейтенант Кэлет. Клейтон посмотрел на своего второго пилота, и высокий широкоплечий мантикорец пожал плечами. «Это... это не похоже ни на что другое в галактике», - пробормотал он, оглядываясь назад со своей стороны кабины. «Я имею в виду, посмотрите на это.»

«Я знаю», - тихо сказал Клейтон.

Двести одиннадцать боевых кораблей - или то, что было боевыми кораблями Т-месяц назад - плавали на своей одинокой парковочной орбите, удерживая позицию посмертного дозора на Поясе Единорога Мантикоры Б. Сто тридцать один супердредноут - шестьдесят девять кораблей класса Ученый и шестьдесят две новых, чуть более мощных Веги - лежали, словно поверженные титаны, в самом центре этой груды разбитых кораблей. Шестьдесят из них были совершенно неповрежденными; остальные варьировались от почти полных обломков до кораблей, которые могли бы быть действительно отремонтированы... если бы была какая-то причина для их ремонта. Они сопровождались двадцатью девятью линейными крейсерами, двадцатью тремя легкими крейсерами и двадцатью восемью эсминцами, которые фактически представляли собой более высокий процент первоначального списка легких подразделений Одиннадцатого Флота. Возможно, потому, что не было причин тратить ракеты на столь незначительных врагов.

Только супердредноуты имели массу свыше 900 миллионов тонн. По сравнению с этим линейные крейсера и более легкие единицы были сущим пустяком, едва ли тридцати двух миллионов тонн. И вот они лежали, брошенные - если не считать охрану на полдюжине неповрежденных СД - в ожидании.

Ожидая, как это случилось, Фила Клейтона, и он снова задумался о том, как он выполнил свой долг. О, у него была инженерная подготовка для этого, но она была и у многих других офицеров, и он ненавидел свое новое назначение. Может быть, это были вражеские корабли, но это были корабли, и он любил внутреннюю магию кораблей, сколько себя помнил.

Его самые ранние воспоминания были о том, как он стоял, прижавшись носом к окну на южной стороне скромного родительского дома, наблюдая, как атмосферные антигравитационные грузовики несутся по небу, отблескивая в солнечном свете и тени облаков, сверкая, как обещание красоты, данное Испытующим. Пигмеи по сравнению с обреченными кораблями за пределами его шаттла в данный момент, но огромные для Грейсона до Альянса.

И тем более для воображения маленького мальчика, который уже тогда понял, что у кораблей есть души. Что все такое прекрасное, такое грациозное - все, чему многие мужчины отдавали так много себя - должно было быть живым само по себе. Он наблюдал за ними летом и зимой, в солнечном свете, под проливным дождем, в снегу. Он наблюдал за ними по ночам, когда они проносились низко над головой в реве турбин, а по бокам сверкали их собственные созвездия бегущих огней. К тому времени, когда ему исполнилось десять лет, он уже мог определить на глаз все основные классы. И когда он забирался на чердак (что ему удавалось делать только тогда, когда все его мамы были уверены, что за ним наблюдает другая), он действительно мог посмотреть под нужным углом на причал порта Бердетт, где приземлялись эти массивные конструкции.

О, тот груз, о котором он мечтал в других грезах! Поддоны и ящики, контейнерные грузы, сетки с фруктами и овощами. Он наблюдал, как грузчики разгружают трюмы подобные пещерам — в то время было гораздо больше мускульной силы и гораздо меньше автоматизации — и жалел, что не был одним из них. И он пожирал все, что мог найти в печати и на видео, не только об атмосферных кораблях, но и о грузовых судах, которые заходили на Грейсон, хотя и редко, из-за горизонта. Он проглотил все и вся, от Баллады о крушении "Землевладельца Фицджеральда" до тайны колониального корабля "Агнес Селеста" и ее исчезнувшей команды, и он знал, чего хочет.

Не то чтобы у него было много шансов получить это.

Его родители были относительно обеспеченными по стандартам Грейсона, но, конечно, не богачи, и, как в слишком многих семьях Грейсона, он был единственным мальчиком. Кроме того, Грейсон был затерянным местом. Атмосферные грузовики, которые его очаровывали, тратили свое время на перевозку исключительно продуктов и изделий Грейсона, потому что других не было. Какой шанс был у мальчика из землевладения Бердетта увидеть другую звезду, дышать воздухом планеты, которая не пыталась отравить его каждый день его жизни?

Во всяком случае, это было мнение его отца, и все его матери преданно разделяли его, хотя мама Джоан казалась чуть менее убежденной, чем другие. Она всегда ценила эту его упрямую жилку.

Он никогда не попадал на борт одного из атмосферных грузовиков. Если на то пошло, он никогда не попадал на борт космического грузовика. Но он все-таки попал в космос, и теперь, когда он смотрел на эту бесконечную перспективу пленных боевых кораблей, смотрел на разорванную и исполосованную броню - на чернильные дыры, пробитые глубоко в сердцевине корпусов и взорванные лохмотья брони там, где в космос вырвались спасательные капсулы - он вспомнил другой корабль, в других битвах. Он вспомнил о КГФ Ковингтон в битвах при Ельцине и при Вороне. Он вспомнил зловоние дыма и горящей плоти, проникающие через вентиляторы, рев аварийных сирен, приближающиеся ракеты и неописуемую волну ударов, пробивающихся сквозь его корпус.

Он вспоминал молодого лейтенанта, который знал, что он скоро умрет, защищая свою планету.

Но этот лейтенант остался жить, потому что женщина, рожденная в другом мире, уже

раненная в битве, которая спасла жизнь его Протектора, бросила свой корабль и его экипаж между чужим ей миром и теми, кто хотел убить каждого человека на нем. Именно так оказался здесь довольно пожилой капитан Космического Флота Грейсона, служивший в Гвардии Протектора, в роли сортировщика убитых кораблей Флота Солнечной Лиги.

"Что там от Семерки, Дэвид?" - спросил он лейтенанта Кэлета.

"Они готовы к первому траншу," - ответил Кэлет, набирая отчет на своем уни-линке и поморщился. "Они должны подобрать последние из обломков Удара Явата ко вторнику."

"Я не знаю, что хуже - то или это." Клейтон махнул на молча ожидающие звездолеты.

"Поверьте мне, сэр, хуже обломки Яваты." Выражение Кэлета было мрачным. "Эти люди, - дернул он головой на те же звездолеты, - получили свое, потому что они чертовски заслужили это. Мы не звали их; они пришли за нами. Мне жаль, что их так много убили, но так случается, когда вы атакуете кого-то, не утруждая себя объявлением войны. И по крайней мере каждый на этих кораблях находился на боевом посту, причем все на борту были в скафандрах. Не то что при Ударе Явата."

Лейтенант повернулся, чтобы посмотреть на едва заметное скопление рабочих огней, отмечавшее огромный астероидный комплекс Единорог Семь. "Утилизационный двор Единорог" картеля Гауптмана и "Очистительный завод Единорог Семь" были переоборудованы под один из утилизационных центров Мантикоры Б, обрабатывающего обломки орбитальной инфраструктуры, разорванной на куски в Ударе Явата менее пяти месяцев назад.

"Утилизационные бригады по-прежнему находят тела, пропущенные службой Поиска и Спасения," - сказал он. "На прошлой неделе одна из команд Семерки нашла двоюродного брата своего бригадира." Его ноздри раздулись. "Я уверен, что мы найдем несколько тел, когда начнем ломать эти, но, черт возьми, по крайней мере они не будут нашими родственниками!"

Клейтон кивнул. Он был благодарен, что его освободили от уборки после Удара Ворона, но он знал достаточно мужчин - и женщин - в ГКФ, которые участвовали в этом.

"На Старой Земле было одно проклятие," - сказал он. "Я не знаю, есть ли оно у вас, манти, но мы на Грейсоне все еще пользуемся им. Оно звучит "Чтоб ты жил в интересные времена."

" ‘Интересные времена’, вот как," - фыркнул Кэлет. "Ну, это один из способов выразить это, сэр. Хотя для одних более ‘интересные’, чем для других."

"Смотрите на это так, - Клейтон вернулся к управлению полетом, - в один прекрасный день мы все будем в книгах по истории и какой-нибудь глупый малый - такой же идиот, какими и мы с вами когда-то были, - будет воображать, как все это было захватывающим и славным. Может быть, он будет счастливее нас и не поймет, как все это было неправильно."

КЕВ "Император"

Мантикора А

Звездная Империя Мантикора

Адмирал флота леди дама Хонор Александер-Харрингтон, герцогиня и землевладелец Харрингтон, командующая Большим Флотом, закончила заправлять свою белую форменную

рубашку с высоким воротом и потянулась, чтобы вытащить заколки, которые скрепляли ее волосы, пока она принимала душ. Длинная коса упала почти до талии, и она позволила себе насладиться ощущением ее шелковистости когда она ее расплела, а затем расчесала ее в мерцающий поток. Обычно она заплетала ее, когда одевала форму, но не было никакого смысла притворяться, что она не любила оставлять ее свободной. Кроме того, на этот этот вечер у нее был запланирован государственный ужин, на котором она должна присутствовать в качестве землевладельца Грейсона, а не офицера королевы.

Она закончила расчесываться, положила щетку на место и собрала волосы на затылке лентой харрингтоновского зеленого цвета. Подняв голову, чтобы оценить эффект, она затем слегка нахмурилась и наклонилась ближе к зеркалу, а пальцы правой руки исследовали кожу под миндалевидным глазом.

"Черт," - пробормотала она, поняв, что в конце концов это будет синяком.

Длинный, кремово-серый древесный кот, растянувшийся вдоль насеста за ее спиной, насмешливо мяукнул, и она обернулась и сердито посмотрела на него.

"Не смешно, Паршивец!" Ее тон был довольно суровым, несмотря на легкое подергивание губ. "Ты знаешь, как Хэмиш будет смеяться, если я появлюсь с фонарем под глазом!"

Нимиц только сильнее засмеялся, и пальцы его настоящих рук замелькали.

"Это не моя вина!" - сказала она ему. "Спенсер стал еще лучше, и я не могу заблокировать все его удары."

Снова замелькали пальцы, и она фыркнула.

"Так как мой график очень загружен, я должна планировать спарринг-бои, когда смогу, и ты это знаешь. Не моя вина, что Елизавета решила устроить это веселье сегодня вечером!"

Нимиц подумал секунду или две, затем неохотно кивнул, и она рассмеялась и стащила его с насеста. Она обняла его, долго вдавливая свое лицо в шелковистую, чисто пахнущую шубку, а затем вытащила его из своих роскошных аппартаментов в дневную каюту. Она подошла к столу, позволила ему перетечь из ее рук на насест над столом и уселась в комфортабельное кресло.

Коснувшись потемневшего синяка под правым глазом, она пожала плечами. Ей нужно будет немного позаботиться о своей косметике, решила она. Если повезет, Хэмиш даже не заметит... что избавит ее от немилосердных насмешек, которыми он ее осыплет в противном случае. Она бы меньше беспокоилась, если бы Эмили собиралась присутствовать, она бы отвлекла на себя его огонь, но их жена оставалась дома в Белой Гавани с детьми. Это, вероятно, свидетельствовало о ее здравом рассудке.

Она немного подумала об этом, затем вздохнула и включила свой терминал для первого пункта сегодняшней части ее бесконечной бумажной работы.

Я действительно ненавижу думать о количестве фотонов, которые мы каждый день убиваем в персональных отчетах, мрачно подумала она. Просто геноцид!

Ее губы дернулись в усмешке, но потом она покачала головой и начала быстро пробираться через отчет перед ней.

***

"Простите, Миледи, но тот отчет, который вы просили, здесь."

"Ты не имеешь в виду тот другой отчет, который я просила?" - отозвалась Хонор скривившись, отрываясь от отчета о готовности на своем дисплее.

"Ну, да," - призналась коммандер Анджела Клейтон. На ней была сине-голубая форма Грейсонского Космического Флота с значком саламандры Гвардии Протектора, но ее акцент был мантикорским. На самом деле она была настоящим грифонским горцем. "Хотя вы все же его просили," - указала она с чем-то близким к блеску в глазах.

Коммандер Клейтон была новым приобретением в штабе Хонор, выступая и как связующее звено с Верховным Адмиралом Иудой Янаковым, и как офицер логистики Большого Флота. Сильная, серьезная коммандер Клейтон. Хотя она родилась в Реарсоне, том же баронстве, что и Антон Зилвицкий, она стала гражданином лена Харрингтон после пяти лет службы в ГКФ, что объясняло, почему она обычно обращалась к Хонор Миледи, как к землевладельцу, а не Ваша Милость, как к мантикорской герцогине.

Иногда это могло ... запутывать.

"А что сообщает Фил?" - спросила ее Хонор.

"Его исследовательские группы закончили первую полдюжину супердредноутов, Миледи," - ответила коммандер. Блеск в ее глазах исчез, и она вздохнула. "Он просто ненавидит это задание. Говорит, что это заставляет его чувствовать себя болотным пололщиком."

Хонор поморщилась от сравнения. Она знала капитана Клейтона, точно так же, как она знала всех капитанов Гвардии Протектора, поэтому она поняла, о чем говорила Анджела, но он был совершенно несправедлив к себе. Грейсонский болотный пололщик был одним из наиболее отвратительных падальщиков в исследуемой галактике, и он не был слишком придирчивым к тому, как его еда превратилась в падаль.

"Вообще говоря, его доклад примерно такой, как мы ожидали, за исключением того, что его техники немного больше впечатлены гразерами солли, чем ожидалось." Клейтон покачала головой. "Я взглянула на спецификации, и он прав; это впечатляющая аппаратура, Миледи."

"Никто никогда не говорил, что у Солнечной Лиги нет хороших технологий," - отметила Хонор. "Их проблема в том, что у них не всегда есть нужная техника, когда они в ней нуждаются."

"В сочетании с тем, что они думают, что она у них есть," - согласилась Клейтон.

"Точно," - признала Хонор. Она откинулась на спинку стула. "Итак, Фил впечатлен этим?"

"Да, Миледи. Хотя он заметил, что не может себе представить, что мы будем делать со всем этим."

Хонор кивнула. Несомненно, немало людей задавались вопросом о подобных вещах, но они должны были что-то делать с обломками Одиннадцатого Флота Массимо Филареты. Для этого его выжившие корабли были переведены к Мантикоре Б после Второй битвы при Мантикоре. На самом деле Бойни при Мантикоре, подумала она и ее глаза потемнели от воспоминаний.

При нормальных обстоятельствах они могли бы быть припаркованы где-то в качестве предмета

торговли, который должен быть возвращен другой стороне после успешных мирных переговоров. Но вряд ли кто-то скоро будет вести переговоры, а даже если и так, никто бы не захотел, чтобы сиротки Филареты вернулись. В эру ракет, запускаемых с подвесок они были смертельными ловушками, безнадежно устаревшими и тактически, и концептуально, какой бы хорошей ни была технология, с которой они были построены.

В случае невозможности возврата их распиливали на куски и отправляли на плавильные и очистительные заводы для утилизации и разборки. Никто не стал бы слишком беспокоиться о технологии; все, что они хотели бы, было сырьем, из которого прожорливая орбитальная индустрия Мантикоры могла бы построить новые и гораздо более полезные технологии, которые нужны Звездной Империи.

Но эта орбитальная индустрия в феврале была уничтожена Ударом Явата. Пять месяцев спустя она оставалась меньше, чем тень памяти о том, чем она когда-то была. Заводы для использования сырья только начинали восстанавливаться, и даже с помощью, которую Беовульф и новый союзник Звездной Империи, Хевен, могли бы обеспечить, пройдет по крайней мере еще шесть месяцев до того, как изготовители и нанофермы снова начнут работу. Но и тогда они еще долго будут иметь лишь небольшую часть возможностей, имевшихся до Удара Явата. Именно поэтому Фил Клейтон и его объединенные мантикорско-грейсонско-хевенитские команды ползали по всем захваченным соларианским кораблям.

Их внутренние системы могли быть соларианского производства со всеми головными болями совместимости, которые это обещало, но они уже существовали. В сложившихся обстоятельствах имеет смысл посмотреть, что можно было бы извлечь для повторного использования - от термоядерных реакторов до реконфигурируемых молицирконов и лазеров точечной защиты - перед тем, как распотрошенные корпуса будут отправлены на утилизационные платформы.

Кроме того уцелевшие корабли Сандры Крэндалл были направлены к Мантикоре с минимальными экипажами, чтобы разделить ту же судьбу. В надежде найти кого-то, кроме капитана Клейтона, чтобы разобраться с ними, когда они прибудут.

"Что ж, - сказала она, - во всяком случае, мы могли бы, вероятно, использовать гразеры для гигантских минных полей гипертоннелей. Видели ли вы проект, который составила адмирал Форейкер?"

"Нет, я не видела, Миледи. Хотя держу пари, это... интересно."

"Адмирал Форейкер действительно имеет свойство мыслить нестандартно," - признала Хонор с улыбкой. "Хотя в этом случае то, что она предложила, в основном представляет собой массив дистанционно развернутого энергетического оружия. На самом деле это оружие размером с целый корабль. Она думает о чем-то вроде Мориарти, а не Майкрофта. Фактически, она уже разработала самый быстрый способ запустить удаленную платформу, привязанную к центральной системе управления огнем стандартного форта терминала."

"Я думала, это то, для чего у нас есть минные поля, Миледи."

"О, да! Но они в основном одноразовые - либо платформы с бомбовой накачкой, либо энергетическое оружие, которые срабатывают один раз, а затем должны перезаряжаться между выстрелами. Она говорит о том, чтобы запитывать эти штуки распределенной энергией для плазменных конденсаторов. Если ее расчеты верны, они смогут сделать по крайней мере пять или шесть выстрелов полной мощности каждый, прежде чем должны будут остановиться,

пока экипажи обслуживания не перезарядят емкости конденсатора. Итак, если эти гразеры Солли так хороши, как, кажется, считает Фил, и зная, что на СД класса Ученый устанавливается - сколько? шестьдесят четыре? шестьдесят пять? - гразеров, зачистка пары сотен из них позволит нам создать действительно опасный оборонительный массив, вы не думаете?"

"Да, я думаю, вы могли бы называть это так," - сказала коммандер Клейтон, выражение ее лица внезапно стало задумчивым. Мысль о том, что девять или десять тысяч гразеров с корабля стены могли бы сделать с любой целью, выходящей из гипертуннеля - когда она не могла иметь ни клина, ни боковой стены для защиты - была... отрезвляющей.

"Я не уверена, насколько хорошо это сработает, - сказала Хонор, - но я заметила, что адмирал Форейкер обычно получает то, чего ждет. А теперь, когда адмирал Хемпхилл окончательно увела разработчиков с Вейланда в Болтхол... "

Клейтон кивнула. Идея поделиться новейшими технологиями и исследовательскими проектами Звездной Империи со звездной нацией, с которой она находилась в состоянии войны - горячей или холодной - большую часть Т-столетия... плохо принималась довольно многими в КФМ. Фактически, было достаточно пассивного сопротивления и проволочек, чтобы спровоцировать проявление знаменитого темперамента Винтонов. Клейтон не присутствовала на собрании, на котором императрица Елизавета ясно выразила свои чувства по этому поводу, можно сказать, слишком ясно, но герцогиня Харрингтон присутствовала. Было замечательно, как быстро все начало двигаться после этой небольшой беседы.

С другой стороны, подумала коммандер, мысленно улыбаясь, казалось, со стороны Хевена было столько же проволочек, когда приходилось рассказывать своим бывшим врагам и нынешним союзникам, где точно находится Болтхол. Неудивительно, поскольку он был намного ближе к системе Мантикора, чем к системе Хевен. На самом деле он находился в шестистах световых годах от Нового Парижа... и менее чем в трехстах пятидесяти от Лэндинга.

Неудивительно, что РУФ так и не нашло его, подумала она. Мы были заняты поисками чего-то в Республике. Нам даже не приходило в голову искать его на периферии Мантикоры. И даже если бы приходило, ‘потерянная колония’ была бы последним местом, где мы бы искали!

Тем не менее, расположение Болтхола объясняло, почему Законодатели выбрали его, как место для своей секретной флотской базы, как только система более или менее попала под влияние Народной Республики. И как грифонский горец - не говоря уже о том, что бывшая замужем за грейсонцем - Анджела Клейтон лучше, чем большинство, знала, чего стоило людям планеты Святилище выжить, пока исследовательская группа Хевена не открыла заново их существование в конце гипертоннеля J-156-18(L)-KCR-126-06.

И то, как они нашли место, намного менее важно, чем то, что они с ним сделали, напомнила она себе. После разрушений Удара Явата здесь, в Мантикоре, Болтхол стал крупнейшим судостроительным заводом всего Большого Альянса, не говоря уже о расположении команды исследователей и конструкторов грозной Шеннон Форейкер.

Итак, если в галактике есть место, которое никто из нас не хочет, чтобы нашли люди, стоявшие за Ударом Явата, это, черт возьми, Болтхол!

"Известно ли, как идет установка Майкрофта в Болтхоле, Миледи?" - спросила она и Хонор улыбнулась, следя за очевидной цепью мыслей коммандера.

"Пройдет некоторое время, прежде чем система заработает, - сказала она, - но адмирал

Хемпхилл берет целую эскадру Инвиктусов, чтобы до тех пор обеспечивать прикрытие Аполлоном и Замочной скважиной-2. И как я понимаю, адмирал Форейкер уже создала новые варианты своих сенсорных платформ. Как только она и Хемпхилл сядут голова к голове, остальной галактике лучше бы спрятаться!"

"Мысль, которая не разобьет моего сердца, Миледи," - сказала Клейтон. "Нисколечко."

КФСЛ «Квебек»

Система Дзанг

Солнечная Лига

"Ну, сэр, все, что я могу сказать об этом, что это поганое время," - прорычала капитан Габриэлла Тимберлейк, стоя рядом с адмиралом Винсентом Каприотти и глядя на последнее сообщение на его дисплее. То, что система Дзанг была менее, чем в семидесяти световых годах от Солнца, означало, что Оперативная группа 783 получила новый общий приказ раньше, чем большая часть остального Флота Солнечой Лиги, и Каприотти размышлял, как будут реагировать другие флаг-офицеры флота.

Если на то пошло, он сам не был полностью уверен, как он относится к этому.

"Я не могу сказать, что я не согласен, Габби," - сказал он наконец. "С другой стороны, если рассказам о том, что случилось с Одиннадцатым Флотом и адмиралом Крэндалл можно доверять, это может стать ... интересным."

"Один из способов выразить все это, сэр," - согласилась Тимберлейк. "С другой стороны, я думаю, мне нравится вот какая мысль. Ублюдки не могут иметь повсюду эти их убийственные ракетные подвески и проклятые супердредноуты!"

"Им не нужно, чтобы они были повсюду, чтобы громить нас," - отметил Каприотти. "Им нужно, чтобы они были там, где мы появляемся."

"Я знаю, сэр." Флаг-капитан адмирала пожала плечами. "Рано или поздно, однако, мы должны врезать им. И зная то, что они сделали с адмиралом Филаретой, похоже, что битвы флотов будут очень плохой идеей, пока наши конструкторы не смогут понять, как соответствовать их проклятым ракетам."

Каприотти сурово кивнул. Солнечной Лиге нужно было "врезать" Манти после серии массивных фингалов, которые Звездная Империя и ее союзники поставили ФСЛ. Несмотря на любые опасения, которые он мог чувствовать, в этом он был согласен с капитаном. Просто он хотел быть более уверенным, что те, кто отвечал за это, имели по крайней мере смутное представление о том, что они делают.

Он не был готов полностью согласиться с версией соларианских новостей о том, что случилось с Массимо Филаретой. По информации от манти, Одиннадцатый Флот открыл огонь после того, как ему предложили сдаться. Согласно "обычно достоверным источникам", говорящим с журналистами, "не для записи", потому что они не были "уполномочены раскрывать секретную информацию", Филарета принял условия сдачи, а затем был уничтожен в результате хладнокровного массового убийства. И по официальным анализам УРФ, никто в Старом Чикаго не мог достаточно точно найти свою задницу с обеими руками и радаром, чтобы дать некоему Винсенту Каприотти малейшее понятие, какой из этих диаметрально противоположных

анализов разделяет Флот.

Плохой знак, подумал он снова. Конечно, Разведка до сих пор попадалась со спущенными штанами на каждом шагу. Может быть, настоящий плохой знак был в том, что идиоты на самом деле думали, что они действительно знали, что происходит!

Винсент Каприотти служил на Боевым Флоте с нуля, и он знал многих мужчин и женщин на кораблях, которые переживали потерю Крэндалл и Филареты. Как и Тимберлейк, он жаждал расплаты, и не только из-за кровавой мстительности, хотя он был достаточно честен, чтобы признать, что это было большей частью его мотивации. Однако, в дополнение к этому, он лучше, чем многие его сослуживцы из Боевого Флота знал, насколько действительно критически важной была неофициальная империя зависимых звездных систем Управления Пограничной Безопасности. И вместе с тем он понимал, что механизмы УПБ были гораздо более хрупкими, чем они могли казаться. Солнечная Лига буквально не могла позволить себе того, что произойдет с денежным потоком федерального правительства, если Пограничная Безопасность начнет терять клиентов, и если они не продемонстрируют, что могут противостоять манти, это именно то, что должно было произойти.

С другой стороны, в одном Каприотти был уверен - если Битва - или бойня, или что-то еще - при Мантикоре была настолько короткой, как предполагали оба набора отчетов, он не хотел связываться с такими средствами защиты, которые манти казалось, считали подходящими для большинства звездных систем.

К счастью, судя по краткому описанию "Операции Флибустьер", это не то, что имел в виду адмирал Кингсфорд. Так что, возможно, кто-то в Старом Чикаго понимал, что он делает.

Может быть.

"Хорошо," - сказал он наконец, отворачиваясь от сообщения, чтобы взглянуть на главный астрогационный дисплей КФСЛ Квебек. "Мне нужно, чтобы адмирал Хелланд и адмирал Рутгерс ускорились. Я уверен, что они внесут полезный вклад. Конечно, как только Рутгерс перестанет предупреждать нас не быть слишком оптимистичными."

Его губы дрогнули, а Тимберлейк и в самом деле усмехнулась. Контр-адмирал Лян-тау Рутгерс, операционист оперативной группы 783, начинал в Пограничном Флоте и перешел в Боевой Флот почти двадцать лет назад. Этого было недостаточно, чтобы полностью избавиться от базового отношения Пограничного Флота, который считал, что Боевой Флот был бы превосходным пресс-папье, особенно если бы ушел с дороги людей, занимающихся настоящей флотской работой. Кроме того, он был известен как предлагающий подробный анализ того, насколько стало устаревшим стратегическое и тактическое мышлением Боевого Флота, и он решительно заявлял, что тренировочные симуляции и учения флота должны быть реструктурированы, чтобы соответствовать реально равному противнику, несмотря на то, что "все знали", что в реальной жизни таких не было. Когда он столкнулся с этим фактом, он предположил, что лучше тренироваться против более сильного соперника, чем кого-то, с кем действительно придётся сражаться.

По крайней мере, эта ошибка вряд ли кого-нибудь убъет. Но, как показало его отношение, вряд ли он ожидал, что кто-нибудь в Боевом Флоте задумается над этой возможностью.

Флаг-капитан была вполне уверена, что это отношение объясняло, почему офицер с очевидной компетентностью Рутгерса и с военными и политическими связями семьи Рутгерса был все еще контр-адмиралом. Но это было довольно освежающе во многих отношениях, и недавние

события чертовски уверенно подтвердили его предупреждения, и она знала, что Каприотти уважает и искренне ценит его противоположную точку зрения.

Вице-адмирал Анжелика Хелланд, начальник штаба ОГ 783, с другой стороны, напоминала многим людям более умную версию Сандры Крэндалл. Конечно, вряд ли можно быть глупее Сандры Крэндалл, думала об этом Тимберлейк. Контраст между ее агрессивным почти-высокомерием и предостерегающим голосом Рутгерса делал иногда собрания штаба раздражительными, но также предлагал Каприотти постоянную дискуссию между различными точками зрения. Это было то, что он ценил еще до того, как кто-то начал стрелять в ФСЛ, что было, по меньшей мере редким среди четырехзвездочных адмиралов Боевого Флота.

В данный момент Хелланд и Рутгерс возвращались на Квебек с наблюдений за тренировочными симуляциями на борту линейного крейсера Бавария, флагмана ОГ 783.12. Благодаря уровню секретности сообщения, они понятия не имели, почему их вызвали домой так срочно.

Интересно посмотреть на их реакцию, подумала флаг-капитан.

"Только между нами, я все же за то, чтобы не быть слишком "оптимистичными", сэр," - сказала она вслух, и Каприотти кивнул.

"Я тоже," - согласился он. "Пожалуйста, сообщите мне, как только они вернутся на борт. Тем временем я пойду в флагманскую комнату брифингов. Я хочу пройтись по декларации боеприпасов. И я особенно хочу рассмотреть самую последнюю оценку УРФом возможностей ракет манти."

Он покачал головой, его лицо стало мрачным, и Тимберлейк посмотрела на него удивленно.

"Пока что я только бегло просмотрел его, - сказал он, - но я склонен думать, что это все еще... слишком оптимистично, скажем так."

Удивленный взгляд флаг-капитана перешел в легкую нахмуренность. Она тоже просмотрела новые оценки. Не было времени, чтобы просмотреть сам анализ, но раздел выводов был удручающим. Текущая оценка разведки давала манти и их союзникам троекратное преимущество в весе залпа, тридцатипроцентное преимущество в средствах проникновения и максимальную дальность с включенным приводом в тридцать миллионов километров. По ее мнению, этого было более чем достаточно.

"Я не говорю, что манти десяти метров ростом, Габби," - криво сказал Каприотти. "И новые Катафракты могут соответствовать любому диапазону, который у них есть ... если мы включим баллистический этап. Но мы с тобой оба знаем, что Лян-тау совершенно прав, когда он говорит, что мы полностью недооценили то, что манти могли бы сделать с нами. УРФ не нужно быть гениями - или тянуть так чертовски долго - чтобы осознать это, что говорит о некоторых довольно печальных вещах в отношении наших довоенных аналитиков. С тех пор, как началась стрельба, манти сделали точку зрения Лян-тау достаточно болезненной, и даже наши блестящие начальники не могут ее пропустить. Я рад, что они прислали нам эти новые ракеты, и я понимаю, что "Технодайн" снова улучшил их параметры. Но пока у меня нет чего-то более твердого, чем "наши лучшие предположения" о возможностях противника от тех же идиотов, которые дали нам Сандру Крэндалл и Одиннадцатый Флот, я не собираюсь делать какие-либо опрометчивые предположения о чудесном равенстве возможностей."

"Я согласна, сэр." Тимберлейк покачала головой. "Лучше переоценить их, чем недооценить!"

"К счастью, похоже, что кто-то еще в Старом Чикаго тоже понял это." Каприотти кивнул в сторону сообщения, которое они только что закончили смотреть. "Я не могу сказать, что я в восторге от идеи взорвать чью-то звездную систему. Не за тем я пошел на флот, и у меня есть друзья, живущие в Кашалоте, если на то пошло. Но кто бы ни придумал эту идею, будь то адмирал Бернард или сам адмирал Кингсфорд, я думаю, это лучшее из доступного нам на данный момент. Если мы сможем причинить достаточную боль их периферийным звездным системам или независимым звездным нациям, торгующим с ними, им придется распылить хотя бы часть своих сил для защиты торговли и инфраструктуры. И чем больше мы можем удержать их распыленными, тем больше вероятность того, что мы вызовем определенную ... осмотрительность с их стороны, пока "Технодайн", наконец, не выяснит, как построить настоящую мультиприводную ракету."

Тимберлейк кивнула, хотя они оба понимали, что Каприотти предпочел бы этого не делать. Цель Операции Флибустьер была не просто вынудить манти и их союзников больше распылить свои силы. На самом деле, это была даже не главная цель. Ее реальная цель состояла в том, чтобы предупредить любого, кто мог бы даже подумать о подписании с манти союзного договора или просто торгового партнерства, что такое решение будет... неразумным. Что ФСЛ будет считать, что любой, кто встал на сторону Мантикоры, противостоит Солнечной Лиге, и что последствия будут достаточно мрачными, чтобы отговорить кого-либо еще последовать ее примеру.

Фактически это была компания террора, направленная против тех, кто не мог себя защитить. А если кто-нибудь мог этого не понять, назначенная ОГ 783 цель делала это совершенно ясным.

Система Кашалот, в 50,6 световых лет от Дзанга и всего лишь в 49,6 световых годах от Беовульфа, была независимой системой, которая решила не присоединяться к Солнечной Лиге, когда она была основана. Это была процветающая, густонаселенная система, которая была торговым партнером Беовульфа в течение почти тысячи лет... и полагалась на Силы обороны Беовульфа, предоставляющего свои силы безопасности быстрого реагирования. Его собственные "военные силы" состояли не более чем из пары десятков фрегатов и ЛАКов, потому что никто не был бы настолько безумен, чтобы напасть на кого-то, столь тесно связанного со звездной системой, которая была одной из основательниц и одной из самых мощных систем Лиги.

По крайней мере до сих пор.

Она размышляла, насколько явно Кингсфорд или Бреннер, старший офицер Стратегии и Планирования, признавали истинные цели Флибустьера в подробных оперативных приказах. И пока она размышляла, она спрашивала себя, сколько из этих независимых и номинально независимых звездных систем поймут, что Лига выбирает напасть на них потому, что она не осмеливается атаковать членов «Большого Альянса» напрямую.

В этом есть потенциальный недостаток, Габби, девочка моя, подумала она, мысленно пожимая плечами. Возможно, это еще одна причина выбрать Кашалот. Он достаточно близок к Беовульфу, так что системы дальше в Окраине не поймут, как слабо он защищен. А даже если поймут, мы должны будем что-то сделать, и слава Богу, никто не планирует послать нас против главных звездных систем манти! Зная, как быстро они раздавили Филарету...

Кончив размышлять, она снова кивнула, более твердо.

"Я просто надеюсь, что "Технодайн" - или кто-то другой - бросит тянуть резину и сделает эту вашу мультиприводную ракету, сэр!"

КГКФ Протектор Оливер I

Двойная система Мантикоры

Звездная империя Мантикоры

"Хонор!"

Майкл Мэйхью повернулся с улыбкой, когда Хонор и Мерседес Брайэм последовали за серьезным молодым энсином, который сопровождал их из причального отсека Протектора Оливера I. Играла мягкая фоновая музыка, стюарды разносили подносы с закусками и бокалами вина, и разговоры звучали на заднем плане, когда он протянул руку. Хонор крепко пожала ее, улыбаясь ему в ответ, и Нимиц прочирикал свое приветствие с ее плеча. Мэйхью рассмеялся и в свою очередь протянул руку древесному коту, а Хонор усмехнулась.

Тем не менее она не могла избежать размышлений о том, что Мэйхью, который был на двадцать лет младше ее, выглядел как минимум на десять лет старше. Это была разница между пролонгом третьего поколения, который она получила в детстве, и пролонгом первого поколения, который он получил, когда уже был взрослым. Но даже так, он выглядел намного моложе своего старшего брата Бенджамина.

"Рад тебя видеть," - продолжал Мэйхью, затем поморщился. "Я знаю, знаю! Мы много видим друг друга, либо по комму, либо лично, но это всегда официальные дела. Полагаю, сейчас это тоже так, но, по крайней мере, нам вдвоем не нужно вести сегодня вечером деловые разговоры!"

"Это будет чем-то вроде облегчения," - признала она. "Иногда я забываю, что я простой космонавт, учитывая, сколько времени я провожу на конференциях, дискуссиях, планировании, экстренных собраниях... "

Она пожала плечами, а Мэйхью кивнул.

"Я знаю. А после того, как референдум Беовульфа состоится, все станет еще хуже. Их интеграция в Альянс потребует усилий."

"Со всем должным уважением, Милорд, не таких больших, как вы могли подумать," - сказал другой голос, и Хонор повернулась с улыбкой, когда к разговору присоединился синеглазый мужчина в форме контр-адмирала Грейсона.

"Михал!" - сказала она. "А я все думала, где вы."

"Ну, я бы не хотел ничего говорить о наследниках планетарного правителя, нарушениях соответствующего военного этикета или о чем-то в этом роде," - сказал командующий Первым боевым дивизионом шестой боевой эскадры ГКФ контр-адмирал Михал Лукач. "Но, как я уверен, вы и коммодор Брайэм прекрасно понимаете, что правильным порядком для вас будет встретиться сначала с капитаном Уайтом."

Хонор быстро оглянулась, а затем снова посмотрела на Лукача.

"По крайней мере, вы подождали, пока этот бедный энсин не уйдет и не будет слышать вас," - строго сказала она. "Это не его вина, что Майкл остановил меня!"

"Простите, - сказал Мэйхью с улыбкой, - но если я не ошибаюсь, я брат планетарного деспота.

Это означает, что я могу перепрыгнуть очередь, когда мне это нравится."

"То, что вы в состоянии злоупотребить своей властью, не делает это правильным," - сказала ему Хонор. "И Михал совершенно прав." Она вытянула шею, ища капитана Захарию Уайта, командира Протектора Оливера и флаг-капитана Лукача. Поскольку Уайт был на шесть сантиметров выше, чем она, его редко можно было не заменить. Хотя на этот раз...

"А где Зак?"

"На самом деле, - сказал Лукач, - в этот конкретный момент он помогает Безопасникам справиться с небольшой чрезвычайной ситуацией. Случилось лобовое столкновение Эдварда и подноса с канапе."

"Ой!" Хонор покачала головой. "А что будет, когда Раулю исполнится восемь!"

"Юный Эдвард на самом деле очень хорошо себя ведет, особенно по стандартам мужчин Грейсона," - сказал ей Майкл Мэйхью.

"Да, и это не его вина," - сказал Лукач. "Несмотря на сантиметры Зака, Эдвард все еще не очень высок, вы знаете. Стюард просто не видел его. Фактически, реальная причина, по которой Зак помогает справиться с этим, заключается в том, что Эдвард расстроен. Он думает, что он испортил прием своего отца, поэтому я сказал Заку пойти и успокоить его, и что я буду держать крепость, пока он не вернется. Кажется, я где-то читал, что хороший флаг-офицер всегда должен прикрывать своего флаг-капитана."

"Во всяком случае, я такое тоже слышала," - сказала Хонор. "Но что насчет "не таких больших усилий, как вы могли подумать"? С того места, где я сижу, полная интеграция Беовульфа кажется чем-то вроде Геракла и конюшен."

"Я так не думаю," - почтительно не согласился Лукач. "О, это потребует много работы, и многим деталям потребуется подгонка молотком, но на самом деле Беовульф фактически уже является частью Альянса. Я имею в виду, чьи корабли, как вы думаете, помогают нам восстановиться после Яваты? И если я не ошибаюсь, именно Беовульф строит Марк-23 для наших кораблей. Так что то, что нам действительно нужно делать - это регулировать то, что происходит де-факто в течение нескольких месяцев."

"Это в самом деле так, но не совсем," - отозвался Майкл Мэйхью. "Эта регулировка и подгонка не кажутся мне легким делом."

"И для этого нет причин, Милорд," - сказал ему Лукач. "И, честно говоря, для нас, "простых космонавтов", будет намного легче, если мы будем беспокоиться только о стрельбе по врагу. Кроме того... "

"Михал уже прожужжал вам все уши, Миледи?" - спросил другой голос, и Хонор повернулась, когда к разговору присоединилась капитан Ленка Лукач. Лукач была на четыре сантиметра ниже мужа. На ее форме ГКФ были четыре золотые полосы капитана на обшлаге, а также кресты Корпуса Капелланов на воротнике, а не мечи линейного офицера.

"Он пообещал, что не будет делать этого," - продолжила она, ее зеленые, с золотыми крапинками, глаза смеялись.

"И он не делал этого, Ленка, вы прекрасно знаете!" - сказала ей Хонор. "На самом деле, он еще только начал объяснять свою точку зрения."

"Дайте ему время," - предложила Лукач.

"Конечно. А как поживаете вы? Есть проблемы с притиркой?”

Она пыталась оставаться в курсе того, как Третья Оперативная Группа (Грейсонская часть Большого Флота), заняла свое место. Помогло то, что Мантикора и Грейсон служили - и умирали - вместе в течение двух стандартных десятилетий. Но между ними все еще существовали различия, и гораздо больший процент всего Грейсонского Космического Флота был постоянно расквартирован здесь, на Мантикоре, после Удара Явата и появления Большого Альянса. Несмотря на огромные успехи, достигнутые приемным миром Хонор, Грейсон оставался в высшей степени религиозным, теократическим обществом. Бинарная система Мантикоры в целом имела меньше опыта общения с грейсонцами, чем офицерский корпус КФМ, и довольно много тысяч грейсонских гражданских лиц и членов семей прибыли на Мантикору, чтобы помочь и поддержать ОГ 3. Комфортно ввести их в общество, фундаментальные принципы которого резко расходились с теми, которые породили их общество, было нетривиальной задачей.

Лукач, как старший офицер Корпуса Капелланов, назначенный в ОГ 3, имела место в первом ряду для такого участия.

“Довольно хорошо, на самом деле,” сказала капитан. "Архиепископ Телмахи не мог бы быть более полезным, хотя я думаю, что большинство ваших собратьев - манти все еще немного... ошеломлены всей этой идеей официальных корабельных капелланов. Хотя, все честно. У большинства наших людей все еще есть проблемы с представлением о том, что архиепископ является только старшим прелатом в обществе, которое специально отвергает понятие государственной церкви. Некоторые из моих капелланов, кажется, с трудом понимают, что он не может просто взмахнуть своим распятием и убрать все наши камни преткновения. Вы действительно ужасно светское общество, не так ли?”

"Мы плетемся, как можем," - сказала Хонор. "И давайте не будем забывать, что именно пример нашего "ужасно светского общества" заставил Церковь пересмотреть свою позицию в отношении священников, у которых нет Y-хромосом."

Михал Лукач поднял руку в жесте грейсонского судьи по фехтованию, и его жена рассмеялась.

"Вы меня сделали, Миледи," - сказала она. "Но вы правы, конечно." Она закатила глаза. "Я все еще помню все припадки, когда преподобный Салливан посвятил меня. Я думала, что, по крайней мере, трое старейшин преставятся в тот день." Она улыбнулась приятным воспоминаниям. "А что они болтали о поименованиях!" Она покачала головой. "Вы знаете, как близка я была к тому, чтобы стать братом Ленкой? На самом деле, Ризница написала научную диссертацию о "святости" именования. Спасибо Испытующему, Преподобный вправил им мозги."

"По какой-то причине, - сказал Майкл Мэйхью, ни к кому в частности не обращаясь, - за последние двадцать лет или около того Грейсон, похоже, производит чрезмерное количество энергичных женщин. Не представляю, как это произошло."

"Ну, это определенно не моя вина," - строго сказала Хонор. "На самом деле, это, скорее всего, вина Мерседес. Или ее и... - Хонор увидела через плечо Лукача как подошли еще два офицера - капитана Дэвис."

"Что бы это ни было, я этого не делала," - сказала темноволосая капитан - одна из двух темноволосых капитанов - приближаясь к небольшой разговаривающей группе.

"Ее Милость просто объясняла, что это не ее вина, что женщины Грейсона отбились от рук," - сухо сказала Брайэм, протягивая ей руку.

"О, нет!" - сказала капитан Элизабет Дэвис, операционист Лукача. "Как мог кто-то подумать такое?"

"Мало того, что мы производим их домашнюю разновидность, но мы их еще и импортируем," - заметил Мэйхью, по-прежнему ни к кому конкретно не обращаясь, и Дэвис рассмеялась.

Ее собственный акцент отмечал ее как уроженку столичной планеты Звездного Королевства, но, как и многие из офицеров, которые были "арендованы", когда нынешний флот Грейсона был в зачаточном состоянии, она решила, что ей нравится Грейсон. Фактически, она стала гражданкой Грейсона почти десять лет назад. Лорд Мэйхью закатил глаза, услышав ее смех, но тоже протянул ей руку.

"И мы чертовски счастливы, что получили их - всех их," - сказал он тихим голосом. "Доморощенных или импортированных."

«Я не могу не согласиться,» - сказала Хонор. “Но знаешь, самое замечательное для меня, даже после всех этих лет, это то, как хорошо Грейсон справился со всеми изменениями.”

«Частью этого стал пример, который нам дали,» - сказала Лукач. «И вклад преподобного Хэнкса в самом начале был огромным.» Ее глаза потемнели, и глаза Хонор тоже, когда она вспомнила, как мягкий и деликатный Преподобный отдал свою жизнь за нее. «И преподобный Салливан был по-своему так же силен. Но суть в том, что в отличие от тех сумасшедших на Масаде, мы не забыли, что Книга никогда не окончится. Они не только перестали слушать Бога, они начали читать ему лекции о том, как все должно быть.» Она покачала головой. «У нас были свои собственные мятущиеся Верные, с которыми мы были вынуждены иметь дело, но в целом они оказали нам огромную услугу. Все, что нам нужно было сделать, это посмотреть на них, чтобы понять, чего именно Бог не хотел от нас.» Она пожала плечами. “С таким примером, как бы мы могли не понять все верно... главное, во всяком случае.”

«Пожалуй, вы правы,» - сказал офицер, сопровождавший Дэвис. Он был на добрых двадцать сантиметров выше, коренастый и очень угловато скроенный, с острым носом и конским хвостом, что напомнило Хонор о Поле Тэнкерсли. В отличие от Дэвис, он говорил с выраженным грейсонским акцентом.

«Рада видеть тебя здесь, Джеймс,» - сказала Хонор.

«И я Вас, Миледи» - сказал капитан Джеймс Сена, начальник штаба Боевого Дивизиона 1. «Однако на самом деле, я даже больше рад видеть коммодора Брайэм. Интересно, что...»

«Остановитесь прямо сейчас,» - сказал контр-адмирал Лукач, поднимая вверх указательный палец.

«Но Сэр, после того вчерашнего упражнения, мы должны выяснить...»

«Вы ступаете на опасную территорию, Джеймс,» - сказал Лукач торжественно.

«Сэр?» Капитан Сена подозрительно посмотрел на своего начальника, и губы Хонор дернулись.

Джеймс Сена был одним из выдающихся администраторов ГКФ. Хотя он был отличным боевым офицером - одним из лучших - он был гораздо более ценным в своей нынешней должности. Ему

это не нравилось, потому что он лучше был бы где-то на командной палубе линейного крейсера, но он не был тем, кто жаловался. Однако он был серьезным, сосредоточенным, уместно оригинальным, и были времена, когда он находил причудливое чувство юмора своего адмирала более чем немного раздражающим.

"Лорд Мэйхью только что сообщил нам, прямо перед вашим приходом, что мы сегодня не будем говорить о делах," - твердо сказал Лукач, сверкая голубыми глазами. "И как послушным подданным, нам надлежит повиноваться ему."

"Это верно для моего брата-деспота - у которого есть собственные палачи - а не для меня," - заметил Мэйхью.

"О, конечно!" - сказала Хонор.

Фактически, все в ГКФ знали, что Майкл Мэйхью был "фанатом флота" с детства. Только то, что его старшему брату потребовалось так много времени, чтобы произвести наследника мужского пола, которого требовала конституция Грейсона, не позволило ему надеть форму до того, как Грейсон присоединился к Мантикорскому союзу. И только тот факт, что Бенджамин отчаянно нуждался в нем, как в личном посланнике, помешал ему после этого стремиться к флотской карьере. В этом была настоящая причина, по которой такие офицеры, как Лукач и Сена, были с ним так неформальны. Он был одним из своих, и у него всегда были особые, очень личные отношения с ГКФ и его персоналом. Они знали, как глубоко он любит Флот, и они любили его в ответ.

"О!" - сказал Мэйхью, когда к ним подошел необыкновенно высокий офицер. "Капитан Уайт!"

"Милорд." Захария Уайт поклонился Мэйхью, а затем - Хонор. "Миледи." Он покачал головой. "Мне жаль, что меня здесь не было, чтобы приветствовать вас, леди Харрингтон. Мой сын... "

"Адмирал Лукач рассказал нам об этом, Зак," - сказала Хонор, покачав головой и протягивая руку гораздо менее высокой женщине, которая сопровождала Уайта через переполненное помещение. Она была одной из немногих присутствующих гражданских, и на ней хорошо выглядело традиционное грейсонское платье. Хотя ее конкретная версия была не такой "традиционной", как у многих. Хонор сомневалась, что на ней было более трех юбок.

"С ним все в порядке, Мисти?" - спросила она, и мадам Уайт улыбнулась.

"Я думаю, что он довольно стойкий," - сказала она. "Он просто был так расстроен из-за того, что "испортил папин прием"."

"Он действительно расстроился," - согласился капитан Уайт и посмотрел на Лукача. "Я очень признателен за то, что вы приняли на себя обязанности хозяина, Сэр. Его мама могла бы сказать ему, что я не сержусь на него, но он был очень расстроен и мне казалось, что ему нужно было отцовское заверение."

"У нас с Ленкой нет своих собственных, капитан, но у меня есть пять братьев и сестер," - сухо сказал Лукач. "И благодаря Небесным Куполам и нашему маленькому демографическому взрыву, в последний раз, когда я узнавал, у меня есть где-то - число меняется без предупреждения, вы же понимаете - тридцать семь племянниц и племянников, по крайней мере четверо из которых начали производить своих собственных детей!"

Уайт усмехнулся и приветственно кивнул другим офицерам, собравшимся вокруг Мэйхью.

"А как он поживает - здесь, на Мантикоре, я имею в виду?" - спросила Хонор у Мисти, и та пожала плечами.

"Он скучает по своим друзьям и одноклассникам, Миледи, - сказала она, - но не похоже, что он не заводит новых, и он на самом деле опережает в учебе своих сверстников." Она довольно улыбнулась. "Я не думаю, что его новые одноклассники ожидали такого. И опыт фактического проживания где-то помимо Грейсона будет действительно, в самом деле полезен для него." Она пожала плечами. "Кроме того, все здесь, на Мантикоре, стараются оказать грейсонцам гостеприимство. Это заметно, поверьте мне."

Хонор кивнула. Как землевладелец - и, кроме Мэйхью, единственный землевладелец в Двойной Системе Мантикоры, она чувствовала личную ответственность представлять членов флотских семей с Грейсона, сопровождавших ГКФ. К сожалению, она не могла. В сутках просто не хватало часов, и поэтому она была чрезвычайно рада тому, что все шло хорошо. И одной из причин, по которой все шло так хорошо, была эта улыбающаяся женщина, стоящая рядом со своим высоченным мужем.

Во многих отношениях Мисти Уайт была гражданским дубликатом Ленки Лукач. В то время как Лукач занималась делами Корпуса Капелланов, мадам Уайт была связана с Командованием поддержки семей Грейсона. Технически, это была военная организация, возглавляемая капитаном Леонардом Фицхугом, а она была всего лишь "гражданским советником". К счастью, Фицхуг был достаточно умен, чтобы уйти с дороги, когда Мисти Уайт закатывала рукава и шла работать.

"Я рада, что все идет хорошо," - сказала Хонор. "До меня доходили сообщения об этом, но я не успеваю следить за многими вещами."

"Я не могу представить, как это может быть возможно, Миледи," - сказала Мисти.

"Я знаю, что ты понимаешь," - тепло сказала Хонор, погладив левой рукой правую руку Мисти. "Но если мои глаза не обманывают меня, похоже, что флаг-лейтенант Михала направляется к нам, чтобы сказать, что теперь, когда вы двое присоединились к нам, пришло время обедать. И, как вы, наверное, слышали, я со Сфинкса." Она улыбнулась другим. "То есть, я голодна... опять."

"Миледи, - откровенно сказала Лукач, - я бы убила за ваш метаболизм. В самом деле."

"О?" Хонор заговорщически улыбнулась Мисти. "Ну, если вы думаете, что есть в три часа ночи плохо для большинства детей, подумайте о том, как попытаться удержать кого-то с мейердальским стилем питания! Моя мама сделала несколько... энергичных комментариев к этой задаче на протяжении многих лет. Они включали ссылки на кого-то по имени Сизиф."

"О, мой Бог!" - рассмеялась Мисти. "Я даже не подумала об этом, Миледи!"

"Поверьте мне, Рауль будет выплатой моего кармического долга моим родителям в следующие семнадцать или восемнадцать Т-лет. Есть некоторые аспекты воспитания, которых я ожидаю меньше, чем других."

"Может быть, Миледи," - сказала Мисти, улыбаясь, когда старшина прошел через группу старших офицеров вместе с маленьким, безупречно одетым мальчиком. "Но поверьте мне, когда все пройдет, вы будете ценить каждую минуту этого. Каждую минуту."

"О, я тебе верю," - тихо сказала Хонор, когда они с Мисти подошли поприветствовать юного

мастера Эдварда Уайта. "Я верю тебе."

Башня Хиллари Индракаши Енкатешвара

Старый Чикаго

Солнечная Система

Солнечная Лига

"Или этих кротов очень много, или наши алгоритмы поиска нуждаются в серьезной переработке."

Подполковник Вэн Чжин-хван села спиной к терминалу, потирая усталые глаза левой рукой, и ее тон был таким же кислым, как и выражение ее лица. Затем она глубоко вдохнула и потянулась за чашкой чая. Сделав глоток и поморщившись от того, что чай остыл, она долила в чашку из чайника, стоявшего рядом.

Этот чайник появился из ее собственной квартиры. Маленький темный офис, похороненный в недрах здания Департамента торговли, используемый первоначально для хранения, был запечатан и не использовался более тридцати Т-лет, прежде чем майор Брайс Тарковский открыл его пару лет назад. В то время он планировал использовать его в качестве места для дружеских азартных игр сотрудников различных служб, в которых он и его приятели-шпионы могли обсуждать дела без беспокойных начальников, ловивших их за этим. В сложившихся обстоятельствах он решил, что она и ее конспираторы нуждаются в этом гораздо сильнее, и предполагалось, что она была благодарна. Хотя было бы неплохо, если бы здесь были хотя бы некоторые удобства.

И было бы меньше пыли.

"Интересно, - ответил капитан Дауд аль-Фанудахи более философским голосом, откидываясь назад на своем стуле и располагая свои каблуки на краю стола, стоящего между ними, - как долго многие из наших потенциальных кротов находятся на своих должностях. Или работали для их достижения, во всяком случае."

"Предполагая, что они действительно плохие парни," - отметила Вэн. "Если да, то чтобы попасть на некоторые из этих должностей... - она показала своей чашкой на аккуратные колонки имен на ее дисплее, - потребовалось некоторое время. А если нет - не плохие парни, я имею в виду - тогда то, что выглядит как "работа для достижения," - это просто обычное стремление к открытой и честной карьере."

"Именно так и будет представлять это любой защитник." Настала очередь аль-Фанудахи выглядеть кисло.

"Я полагаю, что вам кажется, что, возможно, мы все страдаем от паранойи?" - спросила Вэн.

"Иногда," - фыркнул он. "С другой стороны, я не сторонник выяснения на публике, не параноики ли мы. А вы?"

"Пока нет, спасибо," - сухо сказала она.

"Так я и думал." Он пожал плечами. "И кстати об этом, имея в виду ваш комментарий об

алгоритмах поиска, я немного нервничаю в отношении нашего потенциального разоблачения. Я очень ценю поддержку бригадира Гаддиса, но, если кто-то случайно заглянет через его плечо в компьютер, работающий над всем этим ... "

Он дал своему голосу затихнуть, и Вэн кивнула. Хотя выражение ее лица было скорее менее озабоченным, чем у него.

"Он играет в эту игру - ну, в подобные игры - долгое время, Дауд," - сказала она. "Он получил Отдел Криминальных Расследований, потому что он чертовски хорош в своей работе и потому, что он заинтересован в том, чтобы действительно ловить плохих парней, и никто под него не подкопается, потому что он знает, где похоронено слишком много тел. Метафорически говоря, конечно."

"О, конечно!" - согласился аль-Фанудахи.

"Ну, я думаю, что это важное различие."

Она отпила еще чая, пока он усмехался, затем снова опустила чашку.

"По-моему, эти люди - особенно люди, что-то скрывающие - склонны держаться подальше от всего, что может привлечь его внимание. Учитывая... общий стиль, в котором он разбирался с кем-то, замешанным в одном из его исследований в прошлом, шпионить за его поиском данных - это то, как я считаю, что военные называют ‘противопоказанным’."

"При нормальных обстоятельствах я был бы уверен в этом," - сказал аль-Фанудахи здраво. "Но если мы в любом случае близко подошли к тому, что происходит, люди, которых мы ищем на этот раз, - это те, которые никогда не видели проблемы, которую они не хотели бы уничтожить. Я не вижу причин, чтобы они не захотели применить к нему тот же рецепт. На самом деле, я вполне уверен, что они были бы счастливы убить его, несмотря на то, как многие другие люди приняли бы это, если бы у них даже был намек на то, что он ищет."

"ОКР - это последнее место, где кто-то ожидал бы найти контрразведывательные операции. Это область Норитоши Вяйнолы... и именно поэтому ни Люпе Блантон, ни я никогда не подошли бы к нему с этим. И это тоже боль в заднице, потому что я чертовски уверена как в том, что Вяйнола честен, так и в том, что плохие парни сидят в Жандармерии." Она скривилась, явно расстроенная. "Проблема в том... "

"Если он честен, и если это операция, за которую он обычно отвечает, тогда он тот, за которым наши плохие парни будут пристально следить," - закончил для нее аль-Фанудахи, и она кивнула.

"Точно. С другой стороны, у Симеона в любой момент в ходу как минимум дюжина чувствительных исследований. Добавление еще одного менее вероятно насторожит кого-то, чем внезапная активность со стороны Вяйнолы."

"Понимаю." Аль-Фанудахи кивнул, и казался немного менее обеспокоенным, хотя выражение его лица все еще нельзя было назвать счастливым.

"Еще одно его преимущество, - продолжала Вэн, снова поставив чашку на блюдце и листая файл на своем дисплее, - это то, что он провел последние двадцать или тридцать лет, собирая команду, которая предана лично ему. Он называет их своими Изгоями, потому что единственное, о чем они думают, - это поймать плохих парней, кем бы они ни были и какими бы ни были последствия для их карьеры."

"Вроде Окику?"

"На самом деле, не совсем." Вэн на мгновение нахмурилась, явно обдумывая, как бы правильнее это объяснить. "К Окику такое же отношение, но он держит ее отдельно от Изгоев. Чем разозлил ее пару раз."

"Почему?" - удивлился аль-Фанудахи. "Я думал, она идеально подходит!"

"О, во многом, да," - согласилась Вэн и улыбнулась. За последние несколько недель она лучше узнала подполковника Нацуко Окику, и в процессе она поняла, почему именно Симеон Гаддис держал ее вне своих "Изгоев". Фактически...

"Почему вы посоветовали Ирен держать рот на замке и приняли на себя критику за то, что вы правы относительно возможностей манти?" - спросила она.

Аль-Фанудахи посмотрел на нее, а затем кивнул.

"Намек понят," - сказал он. "Он думает, что она слишком ценна в будущем, чтобы сжечь ее карьеру на этом этапе."

"Ирония в том, что она была так занята за его спиной, когда Брайс привел ее в ваш маленький заговор." Вэн усмехнулась. "Она не хотела рисковать тем, что это обрушится на ее босса, и теперь ее босс держит ее за пределами своего круга аналитиков, чтобы никто не связывал ее с ними."

"У меня нет проблем с этим," - сказал ей аль-Фанудахи. "Особенно если кто-то заметил, что она разговаривает со мной и Ирен - или с тобой и Лупе, если на то пошло. Последнее, что нам нужно, это чтобы кто-то связал ее с нами, а затем связал ее с каким-то сверхсекретным исследовательским проектом в ОКР."

"Точно" - снова сказала Вэн. "Но я хочу сказать, что если ни один из его Изгоев не работает на плохих парней, никто не собирается заглядывать в его поиски данных. Если кто-то действительно пристально следит за ним, он может выяснить, какую информацию ищут Изгои, но на самом деле это не так уж необычно для расследований ОКР, и между их компьютерами и остальной частью вселенной нет никакой связи. Это тоже довольно стандартно."

Настала очередь аль-Фанудахи снова кивнуть. Компьютер, на котором он и Вэн работали здесь, в их грязном маленьком офисе, был портативным устройством, полностью изолированным от коммерческого - или любого другого - центрального ядра или процессоров. Ничего из их данных на нем не хранились. Фактическая работа делалась с внешними чипами памяти, и он, Вэн, Лупе Блантон и Нацуко Окику имели свои чипы, биометрически закодированные их персональной ДНК. Это означало, что, по крайней мере, на одном из них данные обычно были устаревшими, но это также означало, что никто не мог украсть эти данные так, чтобы они не знали об этом.

Конечно, это также означает, что если все вскроется, это, вероятно, произойдет потому, что по крайней мере один из нас будет мертв, подумал он. Тем не менее, если бы это было легко, каждый мог бы играть в эти игры!

"Ну, как я уже сказал, либо таких людей больше, чем мы надеялись, либо эти его Изгои довольно плохие охотники," - заметил он.

"Одна из точек зрения." Вэн откинулась своем кресло и полностью развернулась к аль-

Фанудахи. "Но давайте пока не слишком увлекаться. Изгои говорят нам, что имена в этом списке, по-видимому, связаны, по крайней мере, с одним из людей, которые, как мы уже решили, вероятно, работают на плохих парней. Нам еще слишком рано делать вывод, что кто-то из них работает напрямую на плохих парней. Или, если на то пошло, что они даже понимают, что плохие парни существуют!"

"Может быть и так, но мы должны с чего-то начать, Чжин-хван. После того, что случилось с Одиннадцатым Флотом, я даже не хочу думать о том, что эти люди сделают в следующий раз!" Аль-Фанудахи покачал головой, его темно-карие глаза отражали мысли о сотнях тысяч погибших космонавтов Флота Солнечной Лиги.

"Согласна. Но до тех пор, пока у нас не появится хоть какое-то представление о том, что, черт возьми, происходит, никто не будет воспринимать нас всерьез, особенно, если кто-то, кому они доверяют, скажет им, что мы кучка сумасшедших."

"Я знаю. Вот почему мы должны действительно углубиться в это. Мы думаем, что знаем, что они делают, но пока мы не поймем, почему они это делают, мы не сможем убедить кого-либо, что мы не сумасшедшие. Я начинаю думать, что Брайс прав!"

"Майор Тарковский - очень хороший морпех, - сказала Вэн с кривой улыбкой, - и превосходный аналитик. К сожалению, он все-таки морпех. А бывают случаи - хотя я знаю, что трудно поверить, что он найдет это приемлемым - когда требуется что-то немного более тонкое, чем пульсерный дротик или кинетическое оружие. Тем более, что Симеон, вероятно, прав насчет того, насколько заметна наша группа подозреваемых на самом деле. Как, например, наш друг Раджмунд. Я знаю, что Лупе было больно, когда Симеон предположил, что Раджмунд не может быть невообразимым, коррумпированным идиотом, в то время, как она, - да и я, честно говоря, - всегда считала, что он был им. Вообще-то я все еще не полностью убеждена, что он не идиот. Но для нас гораздо разумнее предположить, что он не идиот, чем считать его идиотом. Потому что, видя, с каким успехом эти люди раскинули свои сети, они вовсе не глупы."

"Так что, хотя идея схватить одного из них и заставить попотеть где-нибудь в тихой маленькой комнате имеет определенную привлекательность, я полагаю, что мы воздержимся от этого хотя бы еще немного."

"Я знаю," - повторил аль-Фанудахи, затем надул щеки и шумно выдохнул. "Я знаю! Но мы не получим никаких официальных ордеров на основании каких-либо "вероятных причин", которыми мы можем поделиться с кем-либо, кто находится выше в пищевой цепи. Это означает, что, скорее всего, наступит время, когда мы должны будем поступить так, как это сделал бы Брайс."

"Конечно, это так. Я не жду этого по многим причинам, но вы, вероятно, правы относительно того, к чему мы придем в конечном итоге. Но если нам нужно полностью выйти из укрытия и захватить кого-то без надлежащей правовой процедуры, я хочу убедиться, что мы схватим кого надо. Кого-то, кто действительно является связующим звеном между такими людьми, как Раджмунд и теми, на кого он работает, из тех, кто нам нужен. И именно это, - она ткнула пальцем в столбцы имен, - и даст нам нужное имя. Где-то среди всех этих имен, Дауд, есть главный. Тот, кто должен управлять их коммуникациями и координировать их операции, и это, вероятно, означает, что тот, кто делает это, контактирует с более чем одним из своих действующих агентов. Кого Изгои Симеона и их программы найдут для нас. И как только мы его найдем, я, скорее всего, буду чуть более склонна отдать Брайсу его голову."

Штаб-квартира Управления Пограничной Безопасности

Башня Департамента Внутренних Дел

Старый Чикаго

Солнечная Система

Солнечная Лига

"Да, Марианна?" Адао Ухтомский старался не показаться нетерпеливым, когда изображение Марианны Хаавикко появилось среди заметок, которые он просматривал перед своей запланированной встречей с Натаном МакАртни, постоянным старшим заместителем Министра внутренних дел.

Хаавикко долгое время была его секретарем, и он знал, что она не прервала бы его по прихоти. В то же время она знала его расписание лучше, чем кто-либо еще во вселенной... включая его самого. То есть она знала, насколько важно все просмотреть и подготоввиться к этой встрече. Как начальник Разведывательного Управления Пограничной Безопасности, Ухтомский был старшим "шпионом" МакАртни, и, поскольку противостояние со Звездной Империей Мантикора и ее союзниками опускалось все глубже и глубже в сортир, его встречи со своим начальником стали менее приятным делом. Постоянный старший заместитель Министра всегда имел склонность вымещать свое разочарование на своих подчиненных. Кроме того он был микро-менеджером, то есть требовал подробных отчетов.

Хуже того, он знал, чего он хотел - и ожидал - услышать, еще до того, как отчеты были написаны. Он устраивал жестокий разнос любому подчиненному, который сообщал ему "неправильные" детали, но был столь же мстителен с людьми, которые говорили ему то, что он ожидал услышать… и были неправы в этом. Это делало работу с ним трудной и в лучшие времена, а с таким количеством проблем на Периферии и в Окраине не было никакого способа представить правильные отчеты, независимо от того, как бы сильно кто-то ни пытался.

"Мне очень жаль беспокоить вас, сэр," - сказала Хаавикко, и он понял, что она говорит по громкой связи. "Боюсь, мистер Найхус здесь. Я сказала ему, что вы готовитесь к важной встрече, но он настаивает на том, чтобы поговорить с вами."

Он должен сильно разозлить Марианну, чтобы она не скрывала, что он слышит ее. Это была первая мысль Ухтомского. Вторая была: и ему лучше иметь чертовски вескую причину, чтобы разозлить ее. Ублюдок знает, что я встречаюсь с МакАртни меньше чем через час!

"Он сказал, о чем ему нужно поговорить со мной?"

"Нет, сэр. Просто, что это срочно."

"Понятно." Ухтомский нахмурился. Затем пожал плечами. Если Найхус на этот раз потратит его время впустую, он ему просто оторвет голову. Но если нет ...

"Впусти его," - сказал он.

"Да, сэр."

Дверь его кабинета открылась, и через нее прошел Раджмунд Найхус. Он был высоким, с очень светлыми волосами и темным цветом лица, и выражение его лица было далеко не веселым.

"Я приношу свои извинения за то, что так бесцеремонно вторгаюсь," - сказал он быстро, прежде чем Ухтомский успел что-то сказать. "Я бы не стал этого делать, но я знаю, что вы должны говорить с МакАртни сегодня днем. В данных обстоятельствах я подумал, что лучше немедленно сообщить вам это. И, честно говоря, это достаточно важно, чтобы я хотел бы проинформировать вас об этом лично."

Брови Ухтомского поднялись, независимо от его желания. Как руководитель второй секции разведывательного управления УПБ, Найхус отвечал за анализ внутренних угроз операциям Пограничной Безопасности. Он также был глубоко в постели с несколькими наиболее коррумпированными межзвездными корпорациями Солнечной Лиги, и большинством звездных наций это было бы расценено, как конфликт интересов. Однако Солнечная Лига не была среди "большинства звездных наций".

"Проинформировать меня о чем?" - сказал Ухтомский, указывая гостю на удобное кресло перед своим столом.

"Сегодня утром я получил пару очень тревожных сообщений." Найхус опустился в указанное кресло. "Одно о проблеме, за которой мы следим в течение некоторого времени, но это не наша ответственность, слава Богу. Фактически оно было скопировано мне "для информации" из Жандармерии, а не потому, что кто-то ожидает, что мы предпримем какие-либо действия по этому поводу. Однако, согласно источникам Жандармерии, все указывает на то, что референдум в Гипатии будет иметь явное большинство за отделение от Лиги и политическую ассоциацию с Беовульфом. Это будет иметь некоторые неприятные последствия для нас - для всей Лиги - в будущем, я думаю. Но, как это ни страшно, с нашей точки зрения это не так тревожно, как то, что я получил из Сектора Майя."

Ухтомский нахмурился. Ему вообще не нравилось, как это звучит, особенно если Найхус думает, что то, что происходит в Майя, хуже, чем известие о системе - члене Лиги, решившей последовать примеру Беовульфа, оттолкнуть Лигу в сторону и подписать договор с манти. Правда, Гипатия была не слишком развитой системой по стандартам миров Ядра, но, как и ее межзвездный сосед Беовульф, она была членом Лиги со дня ее основания. Ее дезертирство будет иметь серьезные последствия для сплоченности Лиги, а Найхус думает, что отчет из Майя хуже?

Сектор Майя был одной из историй успеха Пограничной Безопасности уже более Т-века. Фактически, во многих аспектах, Майя была жемчужиной в короне Протекторатов: процветающий сектор из девяти звездных систем, который фактически ходатайствовал о соларианской "защите" сто пятьдесят лет назад. Это было… необычно, по крайней мере, но жители Майя видели, как Пограничная Безопасность приближается, уже некоторое время назад. Понимая, что звисимость от УПБ явно ждет их в будущем, они начали готовиться заблаговременно, чтобы сделать эту зависимость настолько терпимой, насколько возможно.

Они поняли, что им нужно иметь что-то для торговли, поэтому они активно привлекали инвестиции соларианских корпораций. Но они одновременно установили местные средства защиты и контроля - такие средства защиты и контроля, которые клиенты Пограничной Безопасности редко были в состоянии иметь. Они хотели, чтобы их инвесторы получали хорошую прибыль, и они были готовы сотрудничать, чтобы это произошло, но они также хотели быть уверенными, что они сохранят контроль над тем, как эта прибыль была получена.

Их цель состояла в том, чтобы сделать сектор еще более привлекательным для Лиги, но таким образом, чтобы дать им определенный рычаг, когда настанет момент. Они превратили себя в золотую гусыню, с такими ценными существовавшими ранее отношениями с таким

количеством корпораций, что никто не хотел их дестабилизировать. Фактически, им удалось превратить эти корпорации в своих защитников, готовых и способных защитить свои существующие отношения от нарушителей, когда УПБ начало смотреть в их сторону. В то же время они установили тихий контакт со многими бюрократами, которые действительно управляли Солнечной Лигой. Они поняли, что скромные подарки могут купить много дружбы, и они позаботились, чтобы заполучить бюрократов на свою сторону.

А потом они предложили УПБ сделку. Они примут статус протектората Пограничной Безопасности и назначенного УПБ губернатора сектора, но сохранят за собой местное самоуправление, и назначение должно быть одобрено большинством избирателей сектора. Если его отклонят, УПБ всегда сможет выбрать другого, пока не будет достигнут взаимоприемлемый кандидат, но кто бы это ни был, он должен быть взаимоприемлемым. Они выплачивали бы обычные "административные сборы" УПБ, их межзвездные "друзья" не допускали бы хищнической эксплуатации, опустошившей так много экономик Периферии, и взамен они продолжали бы управлять своими местными делами без вмешательства Соларианской Жандармерии или штурмовых батальонов.

Договоренность хорошо работала в течение последних полутора Т-столетий, хотя среди молодежи Майя начали появляться признаки растущего беспокойства. Да и бизнес-сообщество Майя было не слишком довольно тем, как УПБ постепенно увеличивал свои сборы в течение последних шестидесяти Т-лет. Майя, возможно, не была так сильно обложена, как многие другие протектораты, но эти "административные сборы" забирали все большую долю доходов. Кроме того, кем бы они ни были, Майянцы жили на Периферии. Они не могли не беспокоиться о все более уродливой эксплуатации УПБ других звездных систем Периферии.

К счастью, губернатор Оравиль Баррегос оказался способным смягчить беспокойство. Он едва прошел в Ассамблее Майя, когда в 1912 году был впервые назначен на пост губернатора, вероятно, из-за растущего недовольства местных жителей требованиями о выплате сборов УПБ. Но пять лет спустя он был утвержден на второй срок, набрав шестьдесят восемь процентов голосов. А в 1920 году он выиграл в третий раз - на этот раз с большинством в семьдесят шесть процентов. В то время, когда губернаторы УПБ считали себя популярными, если никто активно не пытался взорвать их аэрокары, Баррегос действительно был популярен. Мало того, он, похоже, находился в процессе уговаривания Эревона - с его гипертуннелем - вернуться обратно в Солнечную Лигу из ее союзов сначала с Мантикорой, а затем с Хевеном.

В то время, когда казалось, что вся галактика охвачена огнем, Майя представляла собой желанный уголок спокойствия.

По крайней мере на данный момент.

"О каком сообщении мы говорим?" - убитым голосом спросил Ухтомский. Если он скажет МакАртни, что популярность Баррегоса исчезает, а дни спокойствия Майя могут быть сочтены...

"У меня есть два отдельных источника, и оба сообщают, что Баррегос встречался напрямую с представителями Мантикоры," - прямо сказал Найхус.

На мгновение Ухтомский был уверен, что он что-то неправильно понял. Затем он выпрямился в кресле.

"Что вы сказали?"

"Я сказал, что у меня есть два отдельных сообщения о том, что Баррегос встречается с манти."

Найхус покачал головой, его голубые глаза были тревожны. "Отдельные отчеты из двух разных источников, Адао. И ни один из источников не знает о другом."

Челюсти Ухтомского сжались от понимания смысла этого.

"Я бы не так спешил рассказать вам об этом, если бы это было только одно сообщение," - продолжил Найхус. "Но когда у меня есть два отдельных канала, подтверждающих друг друга, я должен воспринимать это всерьез."

"Вы предполагаете, что Оравиль Баррегос замышляет измену?"

"Я не знаю, что он замышляет," - ответил Найхус с необычной нотой разочарования. "Все, что я знаю, это то, что у меня есть обычно надежные источники, сообщающие мне, что он разговаривает с манти. И, честно говоря, это беспокоит меня гораздо больше, чем могло бы быть, из-за всех других сообщений, которые я получаю - и делюсь с вами - о причастности мантикорцев к подстрекательству в Периферии."

Ухтомский сердито посмотрел на него, но Найхус уверенно встретил его взгляд. И Ухтомский был вынужден признать, что он был прав. Почти год назад бригадный генерал Норитоши Вяйнола, коллега Ухтомского из Жандармерии, распространил сообщение о том, что, очевидно, было организованными волнениями на широких участках Периферии. Ухтомский был склонен списывать это на слишком живое воображение, пока Найхус не пришел к нему шесть или семь месяцев назад с собственным отчетом. Который не только предполагал, что аналитики Вяйнолы могли что-то найти, но что Звездная Империя Мантикора может стоять за этим.

На сегодняшний день любые подтверждающие доказательства были, по меньшей мере, неубедительными, и слишком много информации, полученной от Найхуса, было получено из "конфиденциальных источников". По настоянию Ухтомского он послал срочные запросы своим агентам на местах, требуя идентификации этих источников в надежде получить некоторое представление об их надежности. До настоящего времени лишь небольшая часть этих источников была точно определена, и процесс оценки их достоверности только начинался.

"А на этот раз мы хотя бы узнаем, кто эти "надежные источники"?" - спросил он резко.

"На самом деле, я знаю, кто один из них," - сказал Найхус. "Я довольно хорошо знаю обоих агентов - одного из них лично, а одного только по репутации. Кейран МакКуилкин, старший агент нашего офиса в Лэндинге на Спраге - та, кого я знаю лично. Я послал ее, чтобы следить за делами, когда хевы и Манти снова начали стрелять друг в друга. Один из ее корреспондентов на Курящей Лягушке - охранник штаба Баррегоса в Шаттлспорте. Он и получил это."

Найхус коснулся своего уни-линка, и на дисплее Ухтомского появилась голограмма темнокожего лица с сильной челюстью. Он взглянул на него, затем снова посмотрел на Найхуса.

"И кто "это", на самом деле?" - спросил он.

"Мы не совсем уверены," - признался Найхус. "Тем не менее, кем бы он ни был, он встретился с Баррегосом очень конфиденциально в его офисе в неурочное время. Это показалось мне зловещим, учитывая все недавние... волнения в Периферии, так что, когда я получил это, - он дернул головой в направлении голограммы, - я запустил полный процесс распознавания лиц."

Ухтомский посмотрел удивленно. Учитывая огромное количество изображений, "полный процесс распознавания лиц" мог занять недели, иногда месяцы, даже при современных скоростях обработки данных.

"Я получил что-то вроде... удара." Найхус снова коснулся своего уни-линка, и рядом с первой появилась вторая голограмма. Она была намного худшего качества, хотя было очевидно, что использовалась цифровая обработка. "Сожалею, что нет четкости, - сказал он, - но это только часть оригинального изображения. Газетчик, который сделал его, использовал скрытую камеру и пытался сфотографировать барона Высокого Хребта."

"Премьер-министра манти?" - Ухтомский резко поднял голову, и Найхус кивнул.

"Бывшего премьера, конечно," - сказал он. "Газетчик делал секретную работу на встречах Высокого Хребта с некоторыми из его источников, боящихся камер. Он снял это возле Парламента манти и случайно поймал человека, который нам интересен, в углу кадра."

Мигающий курсор появился на изображении над головой высокого, широкоплечего, с большой грудной клеткой человека. Камера засняла его в профиль на три четверти, его голова повернута как, как если бы он говорил с намного менее высоким мужчиной в форме рядом с ним.

"Мы не уверены, кто этот человек, который ниже ростом," - сказал Найхус. "Хотя кто бы он ни был, он носит форму коммодора манти. И компьютер дает девяносто три процента вероятности того, что более высокий человек - полуночный посетитель Баррегоса с голограммы МакКуилкин."

КФСЛ Квебек

Система Джанг

Солнечная Лига

Адмирал Каприотти откинулся на спинку кресла, держа чашку с кофе обеими руками, и оглядел старших сотрудников своего штаба, сидевших за столом комнаты брифингов на борту КФСЛ Квебек.

"Хорошо," - сказал он. "Теперь, когда мы закончили с самым необходимым, есть ли у кого-нибудь какие-то непосредственные блестящие наблюдения?"

Ожидаемый смешок побежал вокруг стола, и он улыбнулся. Затем отпил кофе, опустил чашку и позволил выражению своего лица стать строже.

"Серьезно, - сказал он, - все это надвигается на нас чертовски быстро. Я знаю, что всем вам нужно поставить много точек над i и много черточек в t, и если я не упомянул об этом, я очень благодарен всем вам за то, как вы уже в этом покопались, но мы все прекрасно знаем, что люди, которые планировали это, наверняка что-то упустили. Надеюсь, это что-то незначительное, но может и нет. Поэтому я хочу, чтобы каждый из вас провел следующие двенадцать часов, рассматривая ваши индивидуальные части оперативных планов. Если есть что-то - вообще что-нибудь - что, как вы думаете, можно, должно или возможно изменить для нашей пользы, я хочу услышать об этом до того, как мы покинем Джанг. Единственное, что мы знаем наверняка о том, что случилось с Одиннадцатым Флотом - это то, что ему здорово врезали. Я не собираюсь позволить этому случиться с моей оперативной группой. Это

понятно?"

Он позволил своим глазам снова оглядеть стол в коротком пузыре молчания, а затем ответила вице-адмирал Хелланд.

"Да, сэр," - сказала она. "Я думаю, что могу говорить за всех нас, что у нас не больше намерения, чем у вас, повторить эту катастрофу. Я верю, что вы можете с уверенностью полагать, что мы очень серьезно думаем о том, как избежать этого."

"Это то, что я хотел услышать, Анжелика," - улыбнулся Каприотти. Затем он кивнул на люк комнаты брифингов. "Пока все, люди. Идите поешьте чего-нибудь. Анжелика, я бы хотел, чтобы вы, Лян-тау и Джейсон остались на мгновение."

"Конечно, сэр," - ответила Хелланд, когда остальные сотрудники почтительно встали смирно и отсалютовали. Каприотти, с его обычным прискорбным пренебрежением формальностями, махнул своей кофейной чашкой в знак общего ответа, и штабисты вышли из помещения. Люк закрылся за ними, и он позволил спинке своего кресла стать вертикально и поставил чашку с кофе на блюдце.

"На самом деле, - сказал он, - я не совсем доволен всей этой операцией. Я не хотел бы, чтобы это знал кто-то, кроме нас четверых и Габби, но я хочу быть уверенным, что мы все понимаем это."

"Могу я спросить, чем вы недовольны, сэр?" - осторожно спросила Хелланд.

"С чисто военной точки зрения у меня есть две проблемы, одна из которых прямо связана с нашими приказами. Первая, что Кашалот находится всего в пятидесяти семи световых годах от Беовульфа. Отдел стратегии и планирования предполагает, исходя из разведданных, которыми они не считают нужным делиться с нами, что ни Беовульф, ни манти не видят никакого резона размещать там пикет флота, а я немного менее уверен в этом, чем адмирал Бернард. Насколько я могу следовать логике, с одной стороны они считают Кашалот безопасным, поэтому "империалистам" не нужно принуждать систему. С другой стороны, особенно когда плебисцит Беовульфа все еще не прошел, они не хотят выглядеть так, как будто существует сильновооруженный Кашалот. Я склонен думать, что в Стратегии и Планировании вероятно правы в отношении отсутствия крупного пикета манти по любой комбинации причин, но я далек от того, чтобы быть уверенным в этом."

"Сэр, - сказал коммодор Джейсон Шлегель, - вы знаете, я не большой поклонник анализов, приходящих из Старого Чикаго. Имея это в виду, я думаю, что есть хорошие шансы, что СиП в этот раз правы." Он пожал плечами. "В настоящее время я мало что могу сказать о Беовульфе, но они, похоже, очень стараются, чтобы представить себя в наиболее благоприятном свете. И манти генерируют достаточно плохой прессы в Лиге из-за этого их гипертоннельного наступления, так что они вряд ли поднимут ставки, реально заняв нейтральную систему, столь густонаселенную и богатую, как Кашалот."

Каприотти задумчиво посмотрел на молодого человека. Шлегель был офицером разведки ОГ 783. Он также был очень ярким офицером и ему было всего пятьдесят шесть лет, он был молод для своего звания даже в богатом на старшие звания ФСЛ. В отличие от многих, он скептически относился к любому отчету разведки, попавшему на его стол, и Каприотти обычно ценил его вклад. Так же было и в этом случае, но он также помнил, что Шлегель считал Беовульф виновным в измене. Коммодор полностью принимал довод, что Имоджин Цанг, прорвавшись к Одиннадцатому флоту, потерпела бы еще большую катастрофу, чем Массимо

Филарета, если бы Беовульф не остановил ее корабли у своего гипертерминала.

Тем не менее, он также полагал - вероятно, не без причины, по мнению Каприотти, - что Беовульф сообщил Мантикоре раэведывательную информацию об операции Яростное Правосудие. И он также верил, что "соучастие" Беовульфа в очевидном повороте Мантикоры к грубо империалистической внешней политике и его очевидное намерение отделиться представляло угрозу существованию Солнечной Лиги.

"Я сказал, что склонен думать, что люди Бернарда правы, Джейсон," - мягко заметил он. "Но поскольку у нас нет фактически никакой разведки перед атакой, чтобы подтвердить это, я, конечно, не буду действовать исходя из предположения, что они должны быть правы."

"Конечно, нет, сэр."

"Однако, возможность того, что они не правы, подводит меня к моей второй военной проблеме - той, с которой нам есть чем заняться: что мы будем делать, если окажется, что там есть пикет манти."

Его тон был значительно мрачнее, и три его сотрудника посмотрели друг на друга.

"Сэр, я знаю, что вам не понравится то, что я собираюсь сказать, - сказала через мгновение адмирал Хелланд, - но СиП правы. Мы не можем позволить себе выглядеть... неэффективно, особенно после того, что произошло в Шпинделе и Мантикоре." Каприотти заметила, что она не упоминала о других событиях в таких местах, как Занкер и Салташ. "В сложившихся обстоятельствах отказ от того, что, как все мы знаем, газетчики обозначили "первым признаком сопротивления", подорвет всю стратегическую предпосылку Флибустьера."

Лян-тау Рутгерс шевельнулся, но ничего не сказал.

"Я полностью осознаю это, Анжелика." Голос Каприотти был чуть холоднее, чем тот, которым он обычно разговаривал со своим начальником штаба. "Я также знаю, сколько жизней потеряно в результате этого мистического нападения на домашнюю систему манти. Я знаю, некоторые считают, что официально сообщенные числа жертв раздуты. Хотя, зная то, что, очевидно, случилось с их промышленной базой, я сомневаюсь в этом. И если бы не Шпиндель, как вы думаете, как общественное мнение Лиги отреагировало бы на них?"

Хелланд начала отвечать, затем остановилась. Через мгновение она слегка кивнула. В одном ей не откажешь, подумал Каприотти. Она полностью разделяла высокомерие Боевого Флота - по крайней мере до Битвы при Шпинделе - и по-прежнему считала Мантикору и Республику Хевен "невежественными неоварварами", которых нужно было научить манерам. Несмотря на это, ее мозг действительно работал.

"Понятно, сэр," - сказала она. "Если бы это не произошло сразу после Шпинделя, "Удар Явата" получил бы огромное количество сочувственных откликов."

"И по чертовски веской причине." Каприотти наклонился вперед, положив руки на стол зала совещаний. "Это была явная, бессмысленная бойня, без какой-либо попытки свести к минимуму потери мирного населения. Даже оставив кинетический удар по Сфинксу полностью вне уравнения, он все еще был неконвенциональным."

"Сэр, - осторожно сказал Рутгерс, - должны ли мы понять из того, что вы сказали, что вам... не нравится Парфянский выстрел?" (Парфянский выстрел - специальное разрешение Флоту Солнечной Лиги в операции Флибустьер, позволяющее командующему обстрел орбитальной

промышленности целевой системы издалека, чтобы избежать сражения с местной обороной - прим. пер.)

"Я полагаю, что можете безопасно предположить это, Лян-тау." Каприотти тонко улыбнулся. "Я всегда был прозрачным, легко читаемым человеком."

"Сэр, я понимаю ваши опасения - и ваше отвращение. Я действительно понимаю," - сказала Хелланд. "Но, как я только что сказала, если Парфянский выстрел будет отвергнут, тогда фундаментальная стратегическая предпосылка Флибустьера будет скомпрометирована."

"Она может быть скомпрометирована," - поправил ее Каприотти. "Многое будет зависеть от того, как это будет отвергнуто. Если в Кашалоте есть присутствие флота манти или Беовульфа, и если я решу избегать Парфянского выстрела на том основании, что это приведет к ненужным и предотвратимым жертвам среди мирного населения, и поясню, что это единственная причина, по которой я не применил Парфянский выстрел, мы будем выглядеть сдержанными, а не неэффективными. Особенно после всех этих противоречивых историй о случившемся с Одиннадцатым Флотом."

Хелланд выглядела немного не убежденной, но она ясно понимала, что сейчас не лучшее время, чтобы настаивать. Каприотти дал всем несколько секунд, чтобы впитать то, что он сказал, затем снова откинулся в кресле.

"Я не вижу необходимости обсуждать эту конкретную проблему с остальными сотрудниками штаба," - сказал он. "Если СиП прав и там нет пикета, она никогда не возникнет. Если пикет есть, то окончательное решение по Парфянскому выстрелу будет в любом случае моим. Однако я хочу, чтобы вы трое подумали о том, что СиП не прав, и обдумали то, что, я полагаю, можно бы назвать частичным Парфянским Ударом. Внешняя инфраструктура системы, особенно в Поясе Снэппера, имеет гораздо меньшую численность населения, и люди в ней гораздо более щедро оснащены спасательными капсулами и малыми судами. Имея даже несколько часов предупреждения, они должны быть в состоянии эвакуироваться почти полностью. Я думаю, что проход Снэппера обозначит цели Флибустьера, и если я подчеркну правительству системы, что мы намеренно избегаем более тяжелых жертв, мы также должны получить кредит за проявление сдержанности."

Хелланд кивнула с немного большим энтузиазмом.

"Хорошо." Каприотти встап. "Думаю, мы все могли бы поужинать. Почему бы вам троим не присоединится ко мне в моей столовой?"

"Конечно, сэр. Спасибо," - сказала Хелланд, и все трое последовали за ним из комнаты брифингов.

Анжелика права в отношении предпосылок Флибустьера, подумал Каприотти, когда они направились к шахте лифта. Хотя она не единственная, кто собирается это осуществить. Если на то пошло, я уверен в том, что рано или поздно кто-нибудь соберется исполнить Парфянский выстрел, что бы я ни делал.

Он скрыл мысленную гримасу. Парфянский выстрел был единственной частью детального плана действий, с которым он полностью не соглашался с того момента, как прочел его.

Новые улучшенные Катафракты в подвесках, которые были доставлены вместе с инструкциями для опергруппы 783, имели практически неограниченный радиус действия. Ну, на самом деле, у всех ракет была практически неограниченная дальность действия, но вторая ступень

Катафракта означала, что он был способен к маневрам на конечном участке своей траектории, в отличие от чисто баллистического оружия, беспомощно летящего в космосе после выгорания его импеллера. Теоретически это означало, что ракеты, запущенные далеко за пределами гиперлимита в 15.84 световой минуты звезды класса К4 системы Кашалот, были полностью способны поражать цели в окрестностях Орки, населенной планеты системы, несмотря на то, что радиус орбиты Орки был меньше трех световых минуты. Вообще-то орбитальная инфраструктура Орки не была тем, что можно назвать трудной целью. Каприотти не сомневался в том, что Лян-тау Рутгерс и его тактические офицеры смогут уничтожить все ее кусочки до единого, не пересекая гиперлимит.

Но были две вещи, которые ни один офицер не мог гарантировать, если бы Каприотти приказал им сделать это. Первая, они не могли гарантировать, что Орка не пострадает от точно такой же сопутствующей катастрофы, которая разрушила мантикорский город Явата-Кроссинг. И вторая, еще худшая, если бы он выполнил Парфянский выстрел - по сути, удар типа ударь-и-беги с предельной дистанции, чтобы избежать попадания в радиус досягаемости ракет манти - не было бы времени для упорядоченной эвакуации. Они, вероятно, спасут больше жизней, чем Манти смогли спасти во время Удара Явата, но в этой орбитальной инфраструктуре жили и работали почти миллиард из 6,9 миллиардов жителей системы Кашалот.

В своей карьере Винсент Каприотти сделал больше вещей, которые ему не нравились, чем он намеревался. Массовое убийство не будет одним из них, что бы ни требовала Операция Флибустьер.

Но рано или поздно кто-нибудь сделает это, Винсент, подумал он. Это самая близкая к нарушению Эриданского Эдикта проклятая вещь, но кто-то это сделает. И что, черт возьми, нам делать, когда Солнечная Лига начнет нарушать Эдикт?

Ему не нравилась эта мысль.

Ему все это совсем не нравилось.

КФСЛ Леонард Эйлер

Пояс Единорога

Мантикора В

Звездная Империя Мантикора

"Сэр, я думаю, у меня есть кое-что, на что вам нужно посмотреть," - сказал энсин Димас.

"Это было бы приятной переменой."

Коммандер Билл Найт казался более чем немного кислым, хотя это едва ли было виной Димаса. На самом деле Найту нравился Димас чуть больше, чем допустимо для офицера-куратора по отношению к энсину в его салажьем рейсе. Димас был умным, компетентным… и настолько энергичным, что он неотразимо напоминал Найту лабрадора, который был у него, когда он сам был ребенком. Эта собака тоже была умной... и, несмотря на то, что некоторые люди думали об этом, у него определенно было чувство юмора. Того который приводил не раз и его, и его юного хозяина в то, что его мама всегда называла "кучей неприятностей".

Юмор Димаса никогда не доставлял ему неприятностей - по крайней мере, с его начальством;

салаги могли оспорить это суждение, - но он любил практичные шутки и был искусным чревовещателем-любителем. Пару дней назад его способность подражать звукам и заставлять свой голос звучать в самых неожиданных местах заставила энсина Стайлса бегать по отсеку в поисках своего уни-линка в течение почти пятнадцати минут.

Однако молодой Димас также выиграл приз имени Лестера Аллена Коваленко как лучший выпускник по математике в старших классах. Он также был вратарем в стартовом составе команды Саганами по лакроссу во время обучения в младших и старших классах, и он принял близко к сердцу девиз команды - "Живи бесстрашно!". Короче, он был выдающимся молодым человеком, который собирался стать выдающимся офицером.

Ничто из этого не делало Билла Найта счастливее в связи с их нынешним дежурством.

Было много дел, которые он предпочел бы делать, чем сидеть на командной палубе еще одного огромного супердредноута солли. К сожалению, он не будет делать ни одно из них в ближайшем обозримом будущем.

Он поморщился от этой мысли и оттолкнулся от капитанского кресла в центре мостика Леонарда Эйлера. Он не был уверен, кем был Эйлер - математиком, думал он, - но его тезка видел лучшие времена. Менее поврежденный, чем многие его спутники, он все-же получил более четырехсот попаданий, и еще хорошо отделался. Не то чтобы кто-нибудь, оглядывавший его нетронутый мостик и дышащий его прохладным, свежим воздухом, мог представить, как сильно он пострадал.

Он подошел к станции офицера связи, где устроился Димас. Найт был вынужден признать, что у молодого Димаса был лучший контакт с компьютерами солли, чем у него. Он надеялся, что это ничего не говорит о прискорбных, скрытых недостатках характера молодого человека. Но то, что началось, пока Димас был "пассажиром", следил за старшим и более опытным Найтом, изучал его методы, переросло во что-то, более похожее на партнерство, и мальчик вполне выполнял свою часть работы. Попутно они обнаружили, что система связи на самом деле имела лучший доступ в компьютерную сеть корабля, хотя никто не был вполне уверен, почему офицер связи нуждался в лучшем доступе, чем, скажем, тактический офицер или астрогатор.

Возможно, потому, что есть правильный путь, неправильный путь и путь солли делать что угодно, подумал он, останавливаясь у плеча Димаса. Хотя, если подумать, "неправильный путь" и "путь солли" - это, вероятно, избыточно.

"Итак, что у тебя, Элайя?" - спросил он.

"Я запустил автономные программы, выполняющие глубокий анализ ядра, сэр," - сказал энсин, оглядываясь на него, и Найт кивнул.

Причина, по которой он и Димас в настоящее время находились на борту Леонарда Эйлера, была в том, что - за их грехи - они были одними из лучших кибернетиков Королевского Флота Мантикоры. Фактически, оба они были назначены на КСЕВ Вейланд еще до Удара Явата. Найт находился на борту космической станции почти два Т-года до Удара, назначенный в ее отделение исследований и разработок из-за своего опыта. Димас был отправлен на ее борт в свой салажий рейс, чтобы дать ему практический, реальный опыт, который его инструкторы в Академии не могли предоставить, и он оказался под наставничеством Найта. Они были живы сегодня только потому, что вице-адмирал Фарадей, командир Вейланда, начал учения по экстренной эвакуации, которые оставили весь персонал, занятый исследованиями и разработками, на планете, когда смертельная коварная атака разрушила космическую

станцию.

Технически салажий рейс Димаса закончился пять дней назад, но после того, что было названо Второй битвой при Мантикоре, положение вещей все еще было сильно неустоявшимся. Парень был оставлен там, где он был, назначен в команду Найта для судебной экспертизы обломков. Коммандер не сказал ему, что он специально попросил, чтобы ему позволили оставить "его" энсина немного дольше, потому что он был так хорош в своей работе. Юный Элайя также не знал о блестящем отчете о его эффективности, который Найт уже составил. Но тот же самый дар понимания компьютеров и - особенно - глубоких погружений в кибер-глубины, который делал Димаса таким полезным на борту Вейланда, сделал его еще более ценным на борту такого судна, как Эйлер.

Одним из условий, на которых выжившим с флота Массимо Филареты было разрешено сдаться, было сохранение их компьютерных ядер. Однако некоторые из командиров все равно вычистили свои компьютеры, и именно поэтому эти некоторые командиры проводили свое нынешнее заключение в несколько менее роскошных условиях. Большинство, однако, выполнило свое обещание. Многие из них полагали - по мнению Найта, вполне разумно - что после того, что КФМ сделал с Сандрой Крэндалл, у них уже есть множество секретных компьютерных банков для исследований. Маловероятно, чтобы в памяти Одиннадцатого Флота сохранились какие-нибудь новые разведывательные данные.

В настоящий момент Найт и Димас были заняты исследованием памяти своего двенадцатого супердредноута, и они были не единственной командой, вовлеченной в эту работу. И до сих пор не было обнаружено никаких интересных новых разведданных, что заставляло предполагать, что эти капитаны были правы.

"Автономные программы" Димаса были разработаны для того, чтобы проводить поэтапное сравнение памяти Леонарда Эйлера и компьютеров, которые они уже разобрали. Было слишком много данных для простого человека, чтобы разобраться в них, и - по крайней мере, в теории - автономные приложения должны были убедиться, что все, чего еще не было в базе данных, было добавлено к ней.

Однако коммуникационные журналы были совсем другим делом. Компьютеры делали замечательную работу по поиску того, что им было сказано искать, и делали это со всем коммуникационным трафиком. Но объяснить компьютерам, что искать в чем-то, что было ближе к... свободной форме, как общение между людьми, иногда могло быть нетривиальной задачей. Вот почему они с Димасом решили, по крайней мере, ограничиться трафиком последних нескольких часов перед соларианской капитуляцией. Компьютеры искали в том же отрезке времени, но вполне возможно, что они что-то упустили.

"Должен ли я думать, что автономные программы нашли что-то потрясающее?" - спросил Найт с улыбкой.

"На самом деле, сэр, - серьезно сказал энсин, - я думаю, что действительно мог что-то найти."

"Что именно?"

"Фрагмент разговора между Леонардом Эйлером и Филиппом Оппенгеймером примерно в то время, когда солли открыли огонь. С его флагманского мостика." Брови Найта поднялись, и Димас кивнул.

"Ты шутишь," - сказал коммандер.

"Нет, сэр." Димас покачал головой, и глаза Найта расширились.

Они искали какое-то окно в безумие, которое привело Филарету к открытию огня в абсолютно безнадежной ситуации. К сожалению, ни один из выживших кораблей Одиннадцатого флота не имел прямой связи с адмиралом Филаретой или его штабом в критический момент, а сам Филипп Оппенгеймер не был в числе выживших. Они нашли несколько мегабайт записанного комм-трафика между капитаном Оппенгеймера и другими подразделениями флота в это время, но ничего, что пришло бы с его флагманского мостика ... или что бы пролило свет на его решения. Так что, если его энсин...

"Кто-то на этом корабле действительно общался с Филаретой, когда все пошло к черту?" - спросил он.

"Не совсем, сэр." Димас пожал плечами. "То, что я нашел, это часть разговора между офицером связи Леонарда Эйлера и одним из ее двоюродных братьев, капитаном Седжуиком."

Глаза Найта сузились. Капитан Рубен Седжуик был офицером связи штаба Филареты.

"Это из личных файлов офицера связи, а не из официальных журналов," - продолжил Димас. "Может быть, это потому, что не было времени беспокоиться о чем-то подобном, пока все не взлетело на воздух. Или, может быть, потому, что в тот момент они нарушали правила, ограничивающие пропускную способность для связи по личным вопросам."

"Я могу понять это." Найт кивнул, пытаясь представить, что случилось бы с мантикорским офицером связи, который болтал со своим кузеном в "такой момент".

"Это не так плохо, как вы, может быть, думаете, сэр," - сказал Димас. "Они не были ни на одном из активных каналов командной сети; они говорили по одной из резервных боковых линий."

"Немного лучше, я допускаю," - нехотя сказал Найт. "Но если это не было частью официального флотского трафика, почему вы думаете, что кто-то захочет его увидеть?"

"Ну, я несколько сомневаюсь, что капитан Кларенс - она была офицером связи Леонарда Эйлера - имеет какое-то представление о том, что в этом было что-то существенное, сэр. Если на то пошло, я даже не уверен, что она вообще поняла, что она записала. Но если поняла, я понимаю, почему она держала рот на замке, когда мы начали глубоко копать, пытаясь понять, почему Филарета открыл огонь."

"О чем ты говоришь?" - потребовал Найт немного более нетерпеливо, и Димас криво улыбнулся ему.

"Позвольте мне показать вам, сэр," - сказал он и нажал кнопку воспроизведения.

КЕВ Император

Мантикора А

Звездная Империя Мантикора

"...а после этого, Ваша Светлость, у вас запланирован государственный ужин в Маунт Роял," - сказал лейтенант Лука Томей. "В сложившихся обстоятельствах, я думаю, было бы лучше присутствовать в качестве землевладельца Харрингтон, а не герцогини Харрингтон."

Хонор Александер-Харрингтон очень старалась - и почти успешно - не закатить глаза. Это была не вина Томея, но она прошла всю свою карьеру без специального офицера по связям с общественностью. Отчасти она признавала, что это потому, что она в максимально возможной степени старалась избегать привлекать внимание. В основном потому, что она большей частью занималась боевым командованием, где связи с общественностью не стояли высоко в списке приоритетов. И все же в большей степени это было потому, что, в отличие от некоторых должностных лиц, которых она могла бы назвать, она предпочитала заниматься текущей работой и позволяла другим людям беспокоиться о том, кто получит за это общественный кредит.

И не только потому, что я от природы такая скромная, подумала она, вспоминая ожесточенные политические распри после битвы при Хэнкоке, после смерти Пола Тэнкерсли и ее собственной дуэли с Павлом Юнгом. Потом были все эти злобные намеки на нее и Хэмиша во время премьерства Высокого Хребта. И это еще не считая обрушения купола Мюллера на Грейсоне!

Если и был во всей Звездной Империи Мантикоры кто-то, кто хотел бы меньше внимания, чем она, она никогда не встречала его.

К сожалению, ей пришлось признать несколько лет назад, что она не смогла бы избежать этого, и она должна была признать, что Томей сделал этот опыт менее мучительным. На полтора года моложе Вальдемара Тюммеля, он чувствовал себя гораздо более комфортно, чем флаг-лейтенант, когда дело касалось общественных мероприятий, таких как сегодняшний государственный ужин в честь отбытия Бенджамина Мэйхью. С чисто военной стороны, он был менее ловким, чем Тюммель, но с ними обоими - и при огромной помощи Джеймса МакГинесса - они поспевали везде, где ей нужно было быть, почти по графику.

А между обедами, встречами, собеседованиями, поцелуями детей, разрезанием ленточек и фотосессиями я действительно провожу немного времени, думая о том, как бороться с Солнечной Лигой! подумала она иронично.

"Думаю, ты прав, Лука," - сказала она. "Конечно, - посмотрела она на него насмешливым взглядом, - все еще остается вопрос, пойду ли я в форме или в гражданском, не так ли?"

"Да, Ваша Светлость, но..."

Тихий звон прервал его, и Хонор коснулась кнопки на своей панели.

"Да," - сказала она.

"Мне не хочется прерывать вас, когда я знаю, что вы так глубоко вовлечены в то, что вам так нравится, Миледи, - сказал по интеркому майор Спенсер Хоук, старший оруженосец Хонор, - но капитан Рейнольдс был бы признателен за минутку вашего времени."

"Черт возьми, - сказала она, озорно глядя на Томея, - мне очень не хочется прерываться, но если капитану Рейнольдсу нужно поговорить со мной, непременно впусти его!"

"Вы понимаете, что я вернусь, как только уйдет капитан, Ваша Светлость?"

"Но если я буду достаточно быстрой, я смогу ускользнуть с черного хода, прежде чем ты доберешься сюда!" - сказала она, и Нимиц рассмеялся со своего насеста на переборке.

"Здесь нет черного хода, Ваша Светлость." Губы Томея дернулись, но его тон был восхитительно серьезным.

"Это ты думаешь, что нет," - сказала она ему, затем подняла глаза, когда дверь каюты открылась, и Джордж Рейнольдс, офицер разведки ее штаба, прошел через нее.

"Джордж! Ты как раз тот, кого я хотела видеть!" - сказала она с энтузиазмом.

Рейнольдс улыбнулся, но это было короткое и мимолетное выражение, и ее глаза сузились.

"Что случилось?" - спросила она совершенно другим тоном.

"Ваша Светлость, у меня есть кое-что, что вам нужно услышать."

Офис Второго Космос-Лорда

Адмиралтейство

Город Лэндинг

Мантикора

Звездная Империя Мантикора

"Извините, что так долго, Пат," - сказал Хэмиш Александер-Харрингтон, граф Белой Гавани и Первый Лорд Адмиралтейства, проходя за коммандером Терри Лассалин, новым начальником штаба адмирала Патриции Гивенс, через дверь ее кабинета. Тобиас Стимсон, его личный оруженосец, остался за дверью. "Мы были в пути, когда пришло ваше сообщение. Так в чем дело? Я полагаю, что есть причина, по которой я здесь вместо того, чтобы выступать в Выборном Комитете, где я должен быть?"

"На самом деле, Хэмиш, - сказало знакомое сопрано с умной стены офиса, - это я нарушила твой график. Извини. Я уверена, что ты ждешь возможности пообщаться в Комитете почти с таким же энтузиазмом, как я жду этого государственного ужина сегодня вечером."

"Хонор!" Появившееся было хмурое выражение лица Белой Гавани исчезло, когда он повернулся лицом к стене. "Если тебе нужно поговорить со мной, есть более простые способы сделать это."

"Я знаю." Его жена отрицательно покачала головой, когда Лассалин коснулась локтя Белой Гавани и указала на одно из кресел, стоящих перед дисплеем. "К сожалению, этот вызов не общественное мероприятие. Есть кое-что, что тебе нужно увидеть."

"Мне, как Первому Лорду, полагаю?" - спросил он, садясь в указанное кресло с благодарным кивком коммандеру. Лассалин улыбнулась, затем вопросительно посмотрела на Гивенс.

"Мы готовы, Терри," - сказала второй космос-лорд. "Но займи место и ты. Ты тоже должна это услышать."

"Да, мэм." Лассалин нашла себе кресло, и Белая Гавань снова переключился на умную стену.

Хонор стояла у одного конца своего стола на борту Императора, и он узнал Мерседес Брайэм,

ее начальника штаба, Андреа Ярувальскую, ее операциониста и Джорджа Рейнольдса, ее офицера разведки, стоявших позади нее. Капитан Раф Кардонес, старпом Императора, стоял рядом с ними, и брови Белой Гавани слегка дернулись. Этот квартет представлял собой наиболее доверенное ядро штаба Хонор, а выражение их лиц было странным сочетанием рвения и… трепета? Нет, это было не совсем правильное слово, но оно указывало правильное направление.

"Абсолютно. Одна из команд наших криминалистов извлекла кое-что очень интересное из комм-записей супердредноута солли. Это может пролить немного света на действия Филареты. Конечно, - скривилась она, - я думаю, что это, вероятно, поставит столько же новых вопросов, сколько и даст ответов."

"Прекрасно". Он покачал головой и посмотрел на Гивенс. "Кажется, это скорее правило, чем исключение в делах разведки, не так ли?"

Гивенс, которая командовала Управлением разведки флота в дополнение к ее другим обязанностям, фыркнула, и он оглянулся на Хонор.

"Покажи мне," - просто сказал он, и Хонор посмотрела на Рейнольдса.

"Джордж?"

"Да, Ваша Светлость." Недавно произведенный капитан посмотрел на Белую Гавань с умной стены. "Милорд, то, что вы сейчас увидите, было извлечено из личного обмена информацией между офицером связи адмирала Филареты и офицером связи на борту Леонарда Эйлера. Мы выделили соответствующий материал, удалили остальную часть сообщения и улучшили то, что сохранили. Я бы хотел порекомендовать гардемарина - извините, он сейчас энсин властью Ее Светлости - Элайю Димаса, он тоже заслужил признание за то, что заметил это. Я не уверен, что заметил бы это до чистки и улучшения."

Белая Гавань понимающе кивнул.

"У нас нет изображений говорящих," - продолжил Рейнольдс. "Они были вне поля зрения камер, но программа распознавания голоса на девяносто девять и девять десятых процента уверена в своих идентификациях."

"Это может быть проблемой в будущем, Хэмиш," - вставила Гивенс, затем пожала плечами, когда он посмотрел на нее. "Если мы вынесем это на публику, то будет много солли, готовых указать, насколько "удобно" для нас то, что все, что у нас есть, это бестелесные голоса."

"Может, да, а может и нет, Пат." Голос Хонор привлек взгляды Гивенс и Белой Гавани. "У нас есть все остальное сообщение, в которое это встроено. Любой, кто захочет, может сделать свою собственную экспертизу. Но, - поморщилась она, - вряд ли кто-то в Старом Чикаго, вероятно, будет заинтересован в том, чтобы определить, является ли это подлинным или нет."

"Ты, вероятно, права," - сказал Белая Гавань. "Так почему бы тебе не показать это мне?"

"Джордж?" - снова сказала Хонор, и Рейнольдс кивнул. Затем он нажал на кнопку, и еще один голос заговорил на фоне, который адмирал в Хэмише Александер-Харрингтоне узнал слишком хорошо: четкие, дисциплинированные голоса на боевых станциях флагманского мостика.

"Очень хорошо," - сказал голос. Он казался плоским, деревянным, а надпись на умной стене определяла его как адмирала флота Массимо Филарету. "Опусти наши клинья и отправь

команду самоуничтожения на подвески, Билл."

Белая Гавань поднял брови и повернулся, чтобы бросить удивленный взгляд на Гивенс. Адмирал только покачала головой и подняла указательный палец.

"Да, сэр," - сказал другой голос, и подпись определила, что это голос адмирала Уильяма Дэниелса, операциониста Одиннадцатого флота.

"Полагаю, тебе следует связаться с Харрингтон, Рубен," - продолжил голос Филареты. "Она захочет..."

Прозвучал еще один звук, который Белая Гавань не смог разобрать. Он звучал почти как приглушенный крик протеста. Затем...

"Какого черта ты делаешь..?" - крикнул голос Филареты.

Он оборвался в середине слога, и взгляд Белой Гавани переместился с Гивенс обратно на Хонор.

"Это все, что у нас есть, - тихо сказала она - но время совпадает идеально. Последние слова Филареты точно совпадают с пуском ракет с подвесок Одиннадцатого флота. Мы всегда знали, что приказ на запуск исходил с флагманского мостика Филареты - коды запуска и последовательность подтвердили это - но никто из его штаба не сказал впоследствии никому вне Оппенгеймера ни слова. Конечно, Оппенгеймер был уничтожен нашей первой волной ракет, но время их полета составило сто шестьдесят секунд, поэтому у них было достаточно времени, чтобы поговорить с кем-то за пределами флагмана. И меня особенно поразило, что все так внезапно оборвалось. Офицер связи Леонарда Эйлера - единственный, кого мы знаем, кто был в контакте с флагманским мостиком Филареты в тот момент, и она почти три минуты пыталась восстановить связь, пока ее капитан пытался выяснить, что, черт возьми, происходило, когда были запушены эти ракеты."

"Она не смогла, и это совпадает со всем, что мы слышали от всех выживших Одиннадцатого флота. Никто не мог связаться с мостиком Филареты. Я спрашиваю, не потому ли это, что что-то случилось с ним сразу после пуска ракет."

"Но если это действительно Филарета, похоже, он решил сдаться!" - сказал Белая Гавань.

"Думаю, именно это он и сделал," - сказала Хонор, и ее голос был мрачным, а ее темно-карие глаза - холодными. "Я думаю, что он точно понимал, что мы хотели ему сообщить: его единственный вариант - сдаться. И я думаю, что ублюдки с той стороны предприняли меры предосторожности, чтобы он не сделал ничего подобного."

"Ты думаешь, что это был еще один пример их убийственной нанотехнологии?" Технически это был вопрос, но он не был похож на вопрос.

"Я думаю, что именно это и было, и что люди, которые применили это против него, использовали меня и моих людей, чтобы убить еще четверть миллиона соларианских космонавтов," - резко сказала его жена. "Никто на Старой Земле, кто уже не был готов поверить нам, не поверит ни единому слову из этого, но теперь мы это знаем, и эти люди - кем бы они ни были - много мне задолжали."

Она улыбнулась улыбкой гексапумы.

"И я хочу предъявить этот счет."

Первая Кузница

Система Убежище

"Я впечатлена, адмирал," - сказала Соня Хэмпхилл, когда они с адмиралом Шеннон Форейкер вышли из кабины лифта и пошли по короткому проходу. Йомен Форейкер вскочил по стойке смирно, когда они вошли в приемную адмирала. Она небрежно махнула ему рукой, но он не шевельнулся, только быстро скосил глаза в сторону гостя своего начальника.

Пауза в шаге Форейкер была едва заметна, но затем она прочистила горло.

"Вольно, Жан-Луи," - сказала она.

Он встал в нечто похожее на парадную стойку вольно, и Хэмпхилл подавила неуместное желание хихикнуть.

Ее собственная карьера была отмечена... случающимися время от времени провалами в военных формальностях. В ее собственном случае, она признавала, они обычно имели некоторое отношение к вспышкам темперамента с кем-то, кто, казалось, стал частью проблемы вместо ее решения. Она была вынуждена признать - в самом деле, она признавала иногда - что эти вспышки часто были контрпродуктивными, и она работала над своим темпераментом в течение десятилетий. В самом деле! И это во многом помогло - не совсем, но во многом - в делах, которые она отстаивала с тех пор, как король Роджер основал Проект Грам, так хорошо оправдавшийся в войне против Народной Республики. Отчасти это было потому, что люди стали меньше спорить с ней, что, как она обнаружила, не всегда было хорошо. Однако она поняла, что больше всего это было потому, что ей больше не нужно было ничего доказывать себе самой.

Правда, она обнаружила, что большая часть ее юношеского гнева была направлена на то, что она сама не была уверена, что находится на правильном пути. Она точно знала, как сильно Звездному Королевству нужны какие-нибудь технологические преимущества, чтобы противостоять громадной Народной Республике. Ее работа заключалась в том, чтобы найти их, и ее гнев был направлен как на ее собственную никогда не признаваемую неуверенность, так и на упрямство тех, кто спорил с ней.

Древесный кот на ее плече издал тихий звук и погладил ее правую щеку мягкой настоящей рукой, и ее глаза смягчились.

Охотящийся Тихо назначил себя ее телохранителем, когда популяция древесных котов со Сфинкса решила, что пришло время предоставить телохранителей для "двуногих", сражающихся за защиту Сфинкса и всех остальных планет Звездной Империи от врагов, стоящих за Ударом Явата. Эта атака уничтожила целый клан древесных котов, и, как выразились сами коты, они знали, как бороться с "злодеями". Древесные коты - телепаты знали, как люди превращаются в запрограммированных убийц, и их способность ощущать ужас и панику невольных убийц, когда программа перехватывала управление, делала их единственной известной защитой от этого.

Многие из руководителей Большого Альянса, в том числе Соня Хэмпхилл, приобрели пушистых, очаровательных, очень умных и очень, очень смертоносных защитников в результате решения древесных котов. То, что она не вполне осознавала, была скорость, с

которой Охотящийся Тихо стал, пожалуй, самым близким другом, которого она когда-либо имела. И она была почти уверена, что он имел много общего с ее способностью понимать корни гнева, который так долго был ее частью.

С другой стороны, проблемы Шеннон Форейкер с военной формальностью были вызваны совершенно другими причинами. В некоторых ключевых аспектах своей жизни адмирал Форейкер была самой сосредоточенной, напряженной личностью, которую когда-либо встречала Хэмпхилл, включая ее саму. Однако вне этих ключевых аспектов она часто, казалось, обитала в другой вселенной. Несмотря на это - или, может быть, благодаря этому - ее сотрудники и подчиненные были абсолютно преданы ей. Было довольно трогательно видеть решимость таких людей, как старший сержант Жан-Луи Джексон, защитить ее от упущений в формальностях, которые могут сконфузить ее перед без сомнения надменными, осуждающими мантикорскими гостями.

Мысли Хэмпхилл сопровождали ее через люк во внутренний кабинет Форейкер на борту Кузницы Один, старейшей и самой крупной из четырех главных космических станций, вращающихся вокруг планеты Святилище. Они только что завершили экскурсию по огромной платформе, и она была глубоко впечатлена тем, чего достигли Республика Хевен и жители Святилища. По отдельности, Кузница Один и три других станции были чуть больше четверти того, чем когда-то были мантикорские Гефест или Вулкан, но все четыре вместе превосходили даже Гефест. Во многих отношениях это было то, что Хемпхилл нашла наиболее впечатляющим в проекте Болтхолл, потому что Хевену удалось создать этот потенциал - с нуля - с существенно менее мощной технологической базой... и всего за четыре десятилетия.

Конечно, женщина, в чей кабинет они только что вошли, провела последние несколько Т-лет, работая над тем, чтобы сделать эту техническую базу чертовски более мощной, чем она была прежде.

Форейкер махнула рукой на удобное место в углу просторного помещения. Кресла, кофейный столик и кушетка были расположены полукругом, лицом к водопаду, который тек через каскад из природного камня в овальный 3,5-метровый бассейн. Вспышка цвета привлекла внимание Хэмпхилл к удивительной полосатой рыбе с длинными, похожими на перья плавниками - интересно, это вид с Хевена или со Святилища - ненадолго выпрыгнувшей над волнистой поверхностью бассейна.

"Садитесь, пожалуйста… баронесса." Форейкер почти удалось скрыть свою гримасу от того, что она чуть не забыла добавить аристократический титул Хэмпхилл, и мантикорка засмеялась. Форейкер посмотрела на нее, пока они садились, и та покачала головой.

“Не беспокойтесь ни о каких "баронессах" или "миледи", адмирал Форейкер," - сказала она, когда Охотящийся Тихо стек вниз, чтобы свернуться на ее коленях. "Они не нужны, в любом случае я обычно не использую свой титул дома."

"Не используете?" Форейкер, казалось, почувствовала облегченние, и Хэмпхилл снова усмехнулась.

"Я полагаю, что на самом деле должна, но я была простой старушкой "Соней Хэмпхилл" в течение многих лет. У меня нет времени на большую часть общественной жизни, и я не очень интересуюсь политикой, поэтому я никогда не занимала свое место в Палате Лордов. Я позволила одному из моих двоюродных братьев быть там моим доверенным лицом." Она пожала плечами. "Кроме того, Нижний Дели - это всего лишь один процент пояса Горгоны Мантикоры-Б. Это примерно три-точка-один квадриллиона кубических километров, но эти

километры содержат очень много пустого пространства. Знаете, некоторые из скал, плавающих там, довольно ценны, но я думаю, что общая численность населения составляла девятьсот двадцать - или, может быть, двадцать один - человек в последний раз, когда я интересовалась. Большинство из моих людей - шахтеры на астероидах, которые могут давать уроки упрямства древесным котам." Она опять пожала плечами, и затем улыбнулась. "Кроме того, я думаю, что мы вдвоем, вероятно, будем работать достаточно тесно, так что давайте будем "Соней" и "Шеннон", по крайней мере, наедине."

"О, прекрасно!" Форейкер вздохнула, выглядя сокрушенной. "Извините! Все получилось не так, как я хотела. Я полагаю, вас предупредили, что я не очень хорошо разбираюсь в социальных обычаях?"

"Я думаю, что вы можете предположить, что одно или два слова о... предосторожности попали мне в ухо," - криво сказала Хэмпхилл. "Должна ли я предположить, что такие же слова попали в ваше ухо обо мне?"

"На самом деле, слово, которое адмирал Льюис использовала в вашем случае, было "раздражительная", я думаю." Тон Форейкер был даже суше, чем у Хэмпхилл, и Охотящийся Тихо засмеялся, когда они обе откинулись назад и широко улыбнулись друг другу.

"Цитируя одно из любимых древних развлекательных головидео герцогини Харрингтон, Шеннон: я думаю, это станет началом прекрасной дружбы," - сказала мантикорка.

"...так что, с точки зрения наших аналитиков, мне кажется, что мы находимся сейчас в довольно хорошей форме," - сказала Соня Хэмпхилл намного позже этим вечером, сидя с Форейкер за столом, с вечерним бокалом бренди в руке. "Я сомневаюсь, что солли полностью оценивают расстояния, которых могут достичь наши МДР с работающим приводом - мы изо всех сил старались не дать им понять это, во всяком случае - и я почти уверена, что они не могут по-настоящему оценить точность, которую Аполлон делает возможным на этих расстояниях. Это не означает, что они не чувствуют острой необходимости увеличивать собственные расстояния, но пока они не смогут понять, как встроить несколько импеллерных колец в одну ракету, они не смогут достичь наших характеристик. И, насколько мы можем судить, - а мы очень хорошо изучили их нынешнюю технологию, благодаря Филарете, - они лишь немного опережают то, что было у нас двадцать лет назад, при Первом Ельцине, в гравитационно-импульсной коммуникации."

Форейкер глотнула из чашки кофе в своей руке и медленно кивнула. Они потратили последние несколько часов на то, чтобы рассказать друг другу - в общих чертах, по крайней мере - о реальных возможностях Болтхола и текущих проектах их программ НИОКР.

"Наверное, это правда," - сказала она. "И, учитывая, сколько времени нам потребовалось для разработки технологии многоступенчатых ракет, даже после того, как мы "получили" несколько образцов для работы, я сомневаюсь, что они поймут это на следующей неделе. Но я думаю, что все должны помнить, что в Солнечной Лиге много действительно способных ученых и инженеров. И то, что они знают, что мы можем это сделать, даст их исследователям огромную поддержку."

"Согласна. Согласна!" Хэмпхилл кивнула в ответ гораздо энергичнее. "Наша текущая оценка заключается в том, что им потребуется, по крайней мере, пара лет - точнее, три или четыре года, учитывая, что мы почти уверены, что они не "приобрели" никаких образцов, - но мы хорошо понимаем, что это только предположение. И это может быть слишком оптимистичным. Хотя я думаю, что им понадобится гораздо больше времени, чтобы сравняться с Аполлоном."

"Вероятно," - снова сказала Форейкер. "Я надеюсь, что вы не поймете это неправильно, но мне всегда казалось, что вы, мантикорцы, склонны встраивать во все то, что один из моих сотрудников называет "все навороты и прибамбасы". Она криво улыбнулась. "Поймите, если бы у меня было столько наворотов и прибамбасов, сколько у ваших людей, я бы, черт возьми, сама встраивала их! Но у нас этого не было, поэтому Пятерка дал мне это пару лет назад."

Она показала чашкой на старомодную рамку на переборке. Там была цитата из "Анонима", и Хэмпхилл улыбнулась, так как читала ее ранее.

"Совершенство - смертельный враг достаточно хорошего," - говорилось там.

"Это то, что мы должны были иметь в виду в течение многих лет после того, как ваши люди так превзошли нас," - очень серьезно сказала Форейкер. "Если бы мы ждали, пока не выясним, как дублировать все, что вы с нами делаете, мы бы никогда ничего не сделали. Во всяком случае, не в то время, чтобы чего-то добиться."

"Мы точно не ждали, чтобы убедится, что все "идеально", прежде чем вводили все в действие," - отметила Хемпхилл.

"Нет, конечно нет. Но я смотрю с точки зрения... технологически отстающего, скажем так. Мы не могли делать то, что делали вы, так, как это делали вы, поэтому нам пришлось выяснить, как сделать так, чтобы было "достаточно хорошо", чтобы позволить нам хотя бы оставаться в пределах досягаемости. И я хотела бы думать, что время от времени мы преподносили вам один или два наших сюрприза."

"Да уж!" Хэмпхилл покачала головой. "На этом пути было немало сюрпризов, таких как Мориарти и эти ваши ракетные подвески - "ослики"!

"Точно." Форейкер поставила чашку на стол, сложила руки на краю стола и наклонилась над ними с сосредоточенным выражением. "Точно," - повторила она. "У вас было технологическое преимущество, как в оружии, уже находящемся в производстве, так и в базовой инфраструктуре. У нас было преимущество по количеству и размеру инфраструктуры, но мы были далеко позади вас с точки зрения применяемых технологий и даже с точки зрения системы образования, которая могла бы позволить нам восполнить наши недостатки."

"Но Солнечная Лига огромна, она даже больше по сравнению со всем Большим Альянсом, чем Народная Республика по сравнению с первоначальным Звездным Королевством. У нее самая большая, самая распределенная производственная инфраструктура во всей галактике. Несмотря на ситуацию на многих планетах Периферии и Окраины, а также на нескольких центральных мирах, давайте будем честны - у них первоклассная система образования. И, кроме боевой техники их прикладная технология почти так же хороша, как возможно. Я думаю, что ваши люди явно имеют преимущество в нескольких критических областях, но, кроме полосы пропускания сверхсветовой связи, это преимущество чертовски мало, и я готова поспорить, что есть области, в которых преимущество у них, если они просто сядут, сделают глубокий вдох и подумают об этом. И когда они это сделают, и если они решат довольствоваться "достаточно хорошим" вместо того, чтобы добиваться "совершенства"... "

"Если они это сделают, то Бог знает, что они придумают для уравнивания," - закончила за нее Хэмпхилл, когда она остановилась. Выражение мантикорского адмирала было мрачным, когда она вспоминала высокомерие адмиралтейства Яначека... и скольких погибших людей и кораблей это стоило Королевскому Флоту Мантикоры.

"Это именно то, о чем я беспокоюсь," - тихо сказала Шеннон Форейкер. "Зная их уровень на

сегодня, соблазнительно думать, что каждый солли - идиот. Но это не так, и если некоторые из этих не-идиотов убедят Мандаринов прислушаться к ним, наше нынешнее технологическое преимущество может исчезнуть намного раньше, чем кто-либо подумает, что это возможно."

Ресторан "Золотая Олива"

Город Старый Чикаго

Солнечная Система

Солнечная Лига

"Так что ты думаешь о последнем открытии Раджмунда?" - спросила Лупе Блантон, когда она и Вэн Чжин-хван закончили набирать свои заказы на защищенном терминале кабинки. "С того места, где я сижу, если в этом действительно что-то есть, нам, возможно, придется пересмотреть свою позицию относительно того, кем на самом деле являются плохие парни. И существуют ли они вообще, если на то пошло!"

"Во-первых, давай вспомним, что мы говорим о Раджмунде", - заметила Вэн, наливая чай в свою чашку из самонагревающегося кувшина, который ждал в их кабинке, когда они прибыли. "Это автоматически означает, что за этим стоит чей-то интерес. Ты знаешь это даже лучше, чем я, так как тебе, к сожалению, приходится работать с ним - или около него - на постоянной основе. Во-вторых, нам чертовски хорошо известно, что у всех его покровителей - или, по крайней мере, тех, кого мы смогли идентифицировать, - есть серьезные личные интересы "доказать", что манти стоят за всем, что идет не так в Периферии. И, в-третьих, я ни на секунду не верю, что Оравиль Баррегос настолько небрежен или глуп, что его поймают на разговоре с манти - или с кем-то еще, - если он серьезно задумается над чем-либо, что могут не одобрить ваши уважаемые начальники".

"Мастерское суммирование". Блантон тонко улыбнулась. Она откинулась на спинку на своей стороне стола, играя вилкой, и, несмотря на улыбку, ее глаза были мрачными. "Что меня действительно беспокоит, так это то, что у Адао нет другого выбора, кроме как серьезно отнестись к его отчетам. Я вполне уверена, что он доверяет... бескорыстной беспристрастности сообщений Раджмунда не больше, чем я, но их так много".

"И он повышает ставку, если передает подлинные фотографии мантикорских флотских офицеров, - согласилась Вэн. - Особенно, если они оказываются настоящими мантикорскими офицерами. И я полагаю по реакции Ухтомского, что это так?"

"Конечно, так, - сказала Блантон. - Честно говоря, это беспокоит меня меньше, чем некоторые другие аспекты. Изображения - особенно плохие изображения, которые улучшены цифровыми способами так сильно, как это сделано - достаточно легко подделать. И невозможно сказать, кто мог поместить файл изображения совершенно несуществующих мантикорцев в базы данных Пограничной Безопасности для сравнения. Я сомневаюсь, что Раджмунд сделал это, потому что был бы слишком большой риск того, что это взорвется ему в лицо, если кто-нибудь начнет проверять факты в его отчетах. Он слишком много раз обходил блокировку, чтобы оставить следы из крошек, которые могут привести к нему. Но действительно ли мы думаем, что он единственный крот, которого кто-то вроде плохих парней имеет на месте? Предполагая, что они существуют, то есть", - добродетельно добавила она.

"Конечно, нет. Впрочем, это не делает меня счастливее, когда я думаю о том, с чем мы сталкиваемся. Предполагая, что они существуют".

Улыбка Вэн была еще тоньше, чем у Блантон.

"На самом деле, я более заинтригована твоим третьим пунктом,” - сказала Блантон через мгновение. “О том, что Баррегос не настолько небрежен или глуп, и он "серьезно обдумывает" все, что может разозлить МакАртни. Или Колокольцева и остальных Мандаринов, если уж на то пошло. Думаешь, он действительно что-то обдумывает?"

Несколько секунд Вэн смотрела в свою чашку, поджав губы и обдумывая свой ответ. Затем она подняла глаза, чтобы встретиться взглядом с Блантон.

"В прошлом году, - начала она, - Норитоши заставил меня отправить одного из моих самых доверенных людей - Ежи Скарлатти; он майор, я не думаю, что ты его знаешь - на Майя".

Она посмотрела на Блантон, которая кивнула. Бригадир Норитоши Вяйнола, командующий разведывательным командованием Соларианской Жандармерии, был непосредственным начальником Вэн, жандармским коллегой Адао Ухтомского.

"Официально Ежи был там, чтобы провести инспекцию местных разведывательных операций Жандармерии, потому что он слышал сообщения о… сложных отношениях между Эревоном, Хевеном и Мантикорой, которые распространялись на Майя. На самом деле, у нас были сообщения о том, что Баррегос и/или Розак наживались - больше, чем обычно, я имею в виду - на всех контрактах, которые они заключили с Эревоном. И причина, по которой я выбрала его, заключалась в том, что он и Филипп Олфри, старший жандарм Баррегоса, долго служили вместе. Я подумала, что Олфри будет охотнее сотрудничать с другом. А если бы он этого не сделал - если бы что-то происходило, и Олфри был частью этого - Ежи знал его достаточно хорошо чтобы, возможно, понять это".

Блантон снова кивнула. Было известно, что любой губернатор сектора и подавляющее большинство командиров Пограничного Флота в секторе найдут… неофициальные способы набить себе карманы. Фактически это продолжалось так долго, что систематические взятки учитывались в их зарплатах. Существовали, однако, ограничения на то, насколько явным их начальство позволяло им быть.

"Во всяком случае, Олфри заверил Ежи, что существенных нарушений не происходит. На самом деле их было меньше, чем обычно, и он показал Ежи свою внутреннюю документацию, чтобы доказать это. Я вполне уверена из того, что Ежи сказал в своем неофициальном отчете, что он думает, что у Олфри очень хорошие отношения с Баррегосом, но его документация была проверена после того, так хорошо, как мы только смогли".

"С другой стороны, он был там во время инцидента Конго".

"Он был?" Пальцы Блантон перестали снова и снова поворачивать вилку, и ее глаза сузились.

Инцидентом Конго газетчики называли защиту адмиралом Луисом Розаком планеты Вердант Виста.

Лига была официально нейтральной по отношению к Вердант Виста, известной ее нынешним обитателям как Факел. Лига никогда не заявляля права на систему Конго, и она не была системой-протекторатом УПБ, поэтому ее первоначальные владельцы-мезанцы не обращались за помощью к Лиге, чтобы вернуть ее, когда ее население, поддержанное удивительным объединенным мантикорско-хевенитским фронтом, восстало против их владения в августе 1919 года. Даже если бы они попытались призвать своих многочисленных дружественных соларианских взяточников, то, что девяносто с лишним процентов населения Вердант Виста

были генетическими рабами, сделал бы... сложным общественное мнение солариан. Генетическое рабство было чем-то, что не одобряли все "здравомыслящие" солариане, даже если лишь крошечный процент был готов приподнять свой зад и сделать что-нибудь с этим, так что даже соларианские бюрократы должны были быть осторожными во всем, что попахивает сговором с Рабсилой.

С другой стороны, тесные связи между повстанцами, новым правительством Факела и Одюбон Баллрум позволили его хулителям предположить, что он неизбежно станет убежищем для террористов. Но это, в свою очередь, было компенсировано шумной агитацией Антирабовладельческой Лиги в пользу официального признания Факела раем и родным миром для любого освобожденного генетического раба.

В целом, казалось, что для Солнечной Лиги лучше всего держаться в стороне. Поэтому решение Оравиля Баррегоса, как губернатора Сектора Майя, заключить оборонительное соглашение с Факелом стало последней каплей для некоторых из политиков Пограничной Безопасности в Старом Чикаго.

Но Баррегос усиленно, правдоподобно - и успешно - выступал за соглашение, как способ минимизировать влияние мантикорцев и хевенитов в системе. Ничто не могло полностью заморозить это, признавал он, тем более что королева Факела была приемной дочерью печально известного Антона Зилвицкого и еще более печально известной Кэтрин Монтень. Но, учитывая фундаментальную напряженность между Мантикорой и Хевеном, единый фронт, который они представляли во время восстания, не мог длиться долго, и вовлечение новой независимой звездной системы в отношения, которые он в настоящее время культивировал с Эревоном, позволит Сектору Майя заполнить пробел, когда это неизбежно произойдет.

Его предсказание о стабильности отношений манти и Хевена оказалось верным спустя два месяца, когда Хевен возобновил военные действия против Мантикоры и, судя по добросовестному официальному отказу Факела от террористической тактики Баллрум, его дополнительный аргумент, что будет лучше смягчить поведение Факела с помощью политики конструктивного взаимодействия, казалось, имел большой смысл.

Но затем, в прошедшем октябре, менее чем через два года, Пограничный Флот был вынужден выполнить это оборонительное соглашение. Луис Розак и его мужчины и женщины заплатили высокую цену, чтобы защитить Факел от того, что, безусловно, выглядело как преднамеренное нарушение Эриданского Эдикта, финансируемое "неизвестной стороной". Фактические преступники были ренегатами Государственной Безопасности Народной Республики Хевен, хотя никто не был готов точно объяснить, каковы были их мотивы, и было очевидно, что только очень богатый спонсор мог обеспечить требуемую материально-техническую поддержку атаки. Оставшиеся в живых были переданы в Республику Элоизы Причарт для суда, поэтому суды Лиги не знали, кто именно мог поддержать их усилия, но никто не сомневался, и общественное мнение пролило очень мало слез обо всем, что случилось с мезанскими наемниками.

"Я подумала, а как же официальные отчеты?" - сказала Блантон и Вэн фыркнула.

"В этом ты не одинока, - сказала она, - и я действительно уже обсуждала это с Даудом в свете сообщений Ежи. Он - Дауд, я имею в виду, а не Ежи - был очень огорчен тем, что никто из вышестоящих командиров не обратил никакого внимания на сообщения, которые он и Ирен составили на основе отчета Розака после его действий".

"Он говорит, что Розак годами говорил людям, что манти и хевы опережают наш флот как в оружии, так и в технике, и никто, черт возьми, не обращал никакого внимания. Фактически

оказывается, что, по крайней мере, в течение трех Т-лет отчеты Розака отвергались даже до того, как они доходили до Дауда, а тем более не уходили дальше и, похоже, в отсутствие каких-либо инструкций из Старого Чикаго, люди на земле пытались что-то с этим сделать".

Официально Баррегос покупает у Эревона военные корабли местного производства, чтобы вернуть эревонцев обратно в нашу сферу влияния, и это, похоже, работает. Но болезненно очевидно, что еще одна причина, по которой Баррегос делает это - чтобы получить какое-то окно в новые технологии. Эревон - лишь незначительная сила по сравнению с Мантикорой или Хевеном, и его флот не сравнить с этим новейшим, ужасным оружием, которое манти развертывают против нас. Но совершенно очевидно, что инвестиции в новое оборудование - единственная причина, по которой Розак смог защитить Факел, хотя его потери были чертовски жестокими. Я думаю, более жестокими, чем когда-либо было официально объявлено, хотя в то время у Ежи не было никакого подтверждения этому, и Дауд с тех пор не нашел никакого подтверждения. Но больше раздражает Дауда то, что он сделал анализ, в котором настоятельно рекомендовал вице-адмиралу Гуверу и Управлению технического анализа пройтись по отчетам Розака частым гребнем".

Если бы они это сделали, даже они, вероятно, поняли бы, что Хевен производит именно те инновации, которые аналитики Гувера систематически отклоняли на протяжении десятилетий. Ничто в них не намекало на ракеты, которые использовались против Крэндалл и Филареты, но, по крайней мере, мы могли бы не идти на это с таким полным самодовольством".

Блантон издала резкий звук согласия, и Вэн пожала плечами.

"Во всяком случае, - продолжила она, - отчет Ежи официально очистил Баррегоса от обвинений в любых финансовых нарушениях. Прочитав его и обсудив с ним, я думаю, что возникли некоторые новые вопросы о том, насколько он тесно связан с Эревоном, но не финансовые".

"Ты полагаешь, что твоё беспокойство насчёт Майя может быть... благодатной почвой для того, чтобы кто-то мог посеять семена разобщенности, будь то Манти или плохие парни?" - осторожно спросила Блантон, и Вэн снова пожала плечами.

"Я бы не сказала, что беспокоюсь об этом," - сказала она. "Очевидно, что из-за того, что вся галактика одержима желанием распада, я не готова категорически исключить это, но Ежи не пришел домой с чем-то, что вызвало бы какие-либо тревоги в этом отношении. Мое впечатление о Баррегосе - и спешу добавить, что это только мое впечатление; он один из ваших людей, а не наш, и я не думаю, что кто-то еще в Жандармерии действительно сильно задумывался об этом - что он такой человек, который рассматривает все возможности. Он живет в опасной глуши, на периферии самой продолжительной, самой разрушительной войны в истории галактики - по крайней мере, пока - и я думаю, что он историк".

"Я думаю, что он видел возможность чего-то вроде нашей наступившей конфронтации с Мантикорой давным-давно, и я думаю, что его отношения с Эревоном призваны обеспечить максимально возможную стабильность, которую он может создать, даже если вся остальная часть галактики неизбежно попадет в ад. Как далеко он готов пойти, чтобы это произошло, - это совершенно другой вопрос, и у меня нет достаточно информации, чтобы высказать обоснованное мнение об этом".

"Но это такая ситуация, если ты права, которая может заставить кого-то рассматривать его как потенциально подверженного соблазнению или как человека, которого можно достоверно выдать за подверженного соблазнению".

"Именно так. Но если я права, то он давно исполняет эту чечетку, и никто этого не понимает. Конечно Майя далеко от Солнца, но все же это впечатляющее достижение. И как сказал Ежи, у него есть настоящая способность вызывать личную преданность. Как и у адмирала Розака, по-видимому, и это может быть опасной возможностью. Если оставить это в стороне, то кто-то, способный жонглировать столькими мячами так, чтобы никто не заметил, никогда не будет настолько неуклюжим, чтобы позволить кому-либо, а тем более одному из платных агентов Раджмунда, обнаружить, что он тайно встречался с представителями манти".

"В этом ты права," - задумчиво сказала Блантон, снова поигрывая с вилкой. "Тем более, что он принимает особые меры предосторожности против того, чтобы кто-нибудь в Пограничной Безопасности узнал об этом. Я полагаю, он будет гораздо больше беспокоиться о домашних утечках, чем о ваших людях".

"В этом есть смысл".

Вэн отпила чаю. Они сидели молча двадцать или тридцать секунд, затем она поставила чашку и откинулась на спинку стула.

"Я думаю, нам надо лучше узнать об этом," - сказала она. "И я могу придумать только один способ сделать это".

"Подразумевая, что есть время", - указала Блантон, и Вэн кивнула. Время в пути до Майи было пятьдесят один день в одну сторону.

"Я знаю," - сказала она. "Но я не вижу другой возможности".

"Я тоже. Но это не может быть один из моих людей. Даже в лучшие времена я бы не браконьерствовала в заповеднике Раджмунда. А это вряд ли "лучшие времена". Если мы правы в его отношении, последнее, что нам нужно, это предупредить его, что кто-нибудь - особенно я - может смотреть в его сторону. Отправишь снова своего Скарлатти?"

"Я не знаю," - ответила Вэн, отвечая на профессионально вдумчивый тон Блантон. "С одной стороны, я доверяю ему, и он был первым, кто предположил, что отношения Баррегоса с Эревоном были ближе, чем думали большинство людей в Старом Чикаго. Он не сделал бы этого, если бы был в кармане Баррегоса. С другой стороны, он друг Олфри и, если Баррегос замышляет что-то, Ежи не пронюхал об этом - во всяком случае, не доложил об этом - в последний раз, когда был там. И, - добавила она, - придумать правдоподобную причину, чтобы послать его обратно так быстро, не делая такого спокойного человека, как Баррегос, подозрительным, может быть нетривиальной задачей".

Выражение лица Блантон показывало ее согласие с цепочкой мыслей Вэн.

"У меня есть, по крайней мере, полдюжины других людей, которых я могу отправить, если я не пошлю снова Ежи," - сказала полковник, пожав плечами. "И если нужно, я пойду к Норитоши, чтобы он позволил мне выбрать одного из людей Симеона из ОКР. В любом случае, я смогу послать кого-нибудь на Курящую Лягушку максимум через пару дней".

"Чем скорее, тем лучше," - сказала Блантон. "Даже если он уедет завтра, будет середина сентября, когда он туда доберется".

"И самое быстрое, когда он сможет вернуться - конец ноября," - согласилась Вэн. "Предполагая, что кто-то достаточно глуп, чтобы оставить этот "дымящийся пистолет"

лежащим так, чтобы он споткнулся об него сходя с шаттла! Но так не бывает".

"Таким образом, мы, вероятно, действительно не услышим о нем до нового года". У Блантон было кислое выражение лица, и Вэн фыркнула.

"У нервной системы любого динозавра есть определенная задержка", - отметила она и Блантон поморщилась.

"В данных обстоятельствах я бы хотела, чтобы ты выбрала другую метафору", - сказала она.

"Почему?"

"Потому, что динозавры вымерли," - мрачно ответила Блантон.

http://tl.rulate.ru/book/29436/624391